

Два сына
ЯКУБА

ДВЕ ЖЕНЫ ТАМИРА

Айлина Якуба

Две жены Тамира

<https://litres.ru/74624648>

Аннотация

ПЕЧАТНАЯ ВЕРСИЯ НА ОЗОН И ВБ!

— Дания, мы поговорили с Тамиром. Он согласен взять тебя в жёны. — серьёзно говорит отец. Сестра пищит от счастья, закрыв ладонями рот. — Ты тоже выходишь замуж, — бросает мне отец. И его слова производят эффект пощёчины. — Пап, какой замуж?! Во-первых, я еще учебу не закончила, во-вторых... — Не перебивай меня, Алсу! — резко обрубает мою речь. — Ты выходишь замуж за Тамира.

Против моей воли отец выдает замуж за ненавистного мне человека. А самое ужасное — с сестрой вынуждены жить под одной крышей и делить одного мужчину. #невинная героиня #разница в возрасте #эмоции на грани #много ревности #любовный треугольник Негатив в комментариях удаляю, можно ругать героев книги, но не автора и читателей.

МОЯ НОВИНКА "РАЗВОД. МОЙ МУЖ — МНОГОЖЕНЕЦ"

Содержание

Вступление	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	47
Глава 9	51
Глава 10	61
Глава 11	67
Глава 12	74
Глава 13	81
Глава 14	88
Глава 15	92
Глава 16	98
Глава 17	103
Глава 18	107
Глава 19	112
Глава 20	118
Глава 21	120
Глава 22	126

Глава 23	132
Глава 24	138
Глава 25	142
Глава 26	148
Глава 27	151
Глава 28	158
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Вступление

Аннотация:

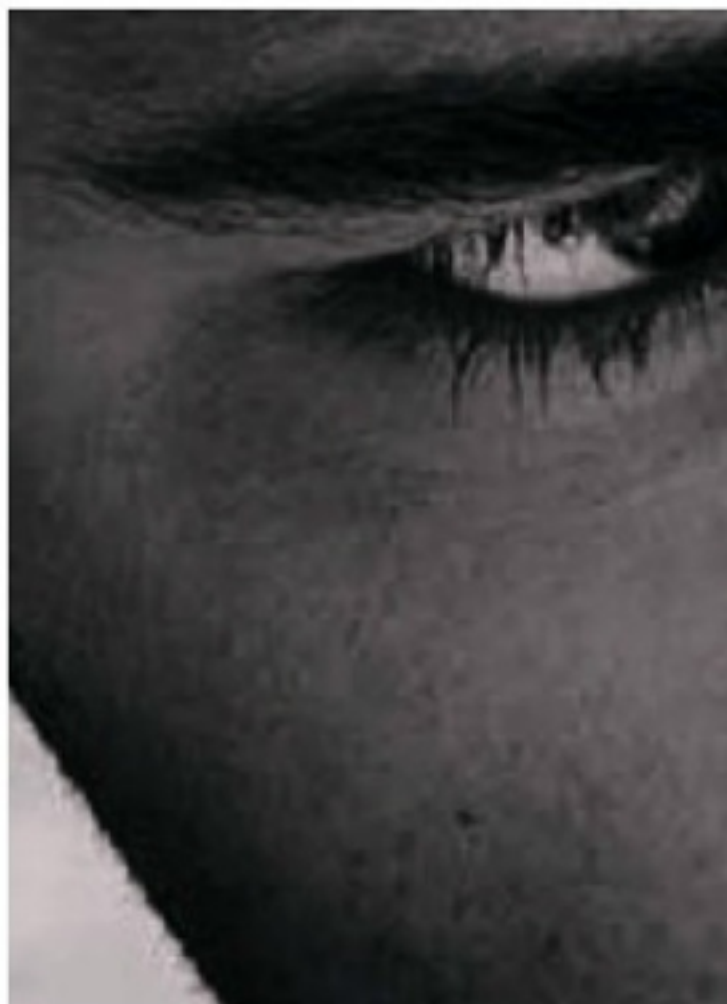
— Дания, мы поговорили с Тамиром. Он согласен взять тебя в жёны. — серьёзно говорит отец. Сестра пищит от счастья, закрыв ладонями рот.

— Ты тоже выходишь замуж, — бросает мне отец. И его слова производят эффект пощёчины.

— Пап, какой замуж?! Во-первых, я еще учебу не закончила, во-вторых...

— Не перебивай меня, Алсу! — резко обрубает мою речь.
— Ты выходишь замуж за Тамира.

Против моей воли отец выдает замуж за ненавистного мне человека. А самое ужасное — с сестрой вынуждены жить под одной крышей и делить одного мужчину.

Глава 1

Алсу́

— Алсу́ !

Подпрыгиваю от крика моей сестры, когда переписываюсь с Ромой. Быстро закрываю диалоговое окно и прячу телефон под подушку, ожидая появления посетителя в мою комнату.

О Роме никому нельзя знать, даже сестре. Она у нас самая правильная и покорная дочь нашего отца. И не дай бог, узнаёт о моей тайне — дружбе с Ромой, уже как два месяца. Дания строго придерживается наставлений отца: быть прилежной, соблюдающей наши традиции и религию. Сестра даже носит хиджаб, и только я против этого. Отец не смог на меня надавить. У современных татар необязательно покрываться, это сугубо личное дело каждой женщины и девушки.

Но единственное, чему я не могу противостоять — отцовскому авторитету и его воспитательным мерам. Отец с детства растил нас в строгости и смирении: уважать и слушать старших, вести правильный образ жизни, никаких вечеринок, дискотек и парней. Почти всю мою недолгую жизнь, отец твердил нам с сестрой: «Выйдете замуж только с моего одобрения».

— Алсу! — дверь резко открывается и влетает любимая сестра. Она вся светится от счастья и улыбается во все трид-

цать два зуба.

Дания прыгает на мою кровать и пританцовывает.

— Дания, что случилось? Ты выиграла в лотерею? — смеюсь над сестрой, укоризненно мотая головой. Она радуется как ребёнок, которому пообещали море сладостей. И кто скажет, что ей уже двадцать два года.

— Ты не представляешь, кто к нам приехал! — пищит от восторга.

— Да говори ты уже, — толкаю её вбок.

— Тамір... Тамир приехал, представляешь?! — задыхаясь, объявляет новость. У неё глаза горят при упоминании данного имени, а меня, наоборот, передёргивает. Ничего такого в этом мужчине не вижу, как моя безответно влюблённая сестра. Наоборот, он, мне кажется, каким-то грозным и неприятным мужчиной. Если честно, побаиваюсь его, от одного вида вызывает мороз по коже.

Закатываю глаза от произнесённого имени. Иногда хочется треснуть Дание, чтобы прекратила себя вести как дурочка. Это же надо так влюбиться, что днями и ночами грезить об этом мужчине. Она даже отцу намекает, чтобы выдал её замуж за Тамира.

Ужас! Упаси Аллах меня от такого мужа! Чур меня.

— Папа сейчас принимает его в своём кабинете. Та-а-ак, интересно, о чём они разговаривают, — мечтательно произносит, покосившись на дверь.

— Слушай, Дания, ты, кроме, него ещё о чём-нибудь мо-

жешь думать? — уже раздражаюсь на неё. Мне совсем неинтересен Тамир и тем более причина приезда в наш дом.

— Я очень надеюсь, что Тамир останется у нас на ужин. Хоть разочек взглянуть на него вблизи, — она не обращает внимания на мои слова, продолжая мечтать о Тамире.

Опять укоризненно мотаю головой и просовываю руку под подушку, беря телефон в руки. Вот здесь мне действительно интересно. На дисплее горит непрочитанное сообщение от Ромы.

«Завтра увидимся в институте»

Прочитав СМС, в груди цветёт и поёт. Хочется танцевать и улыбаться, но приходится сдерживать эмоции из-за сестры. Никто не должен знать о Роме. Не дай Аллах, дойдёт до отца, будет настоящий апокалипсис. Папа категорически против смешения национальностей и никогда не примет Романа. Мне очень нравится этот парень. И я ничего не могу с собой поделать, с каждым днём всё больше и больше вязну в эту пучину. Если у нас будет всё серьёзно, то придётся как-то поговорить с отцом.

В мою спальню неожиданно стучат. Подаю голос, чтобы вошли. Дверь открывается и заглядывает наша гувернантка Гульсина-апа*. Она для нас как мама, с маленького возраста воспитывает меня и сестру. Для женщины мы почти что родные дети.

— Кызлар (перевод с татарского «девочки»), вас отец приглашает в свой кабинет, спускайтесь, — просит гувер-

нантка, указывая себе за спину.

Переглядываемся с сестрой, пожимаем плечами и выходим из комнаты. Спускаемся на первый этаж и направляемся в кабинет отца. На мою радость, здесь только он один и никаких посторонних гостей не присутствуют.

— Пап, ты нас звал? — подаю голос, чтобы отец заметил.

Он поднимает голову от бумаг, лежащих на письменном столе. Внимательно рассматривает нас с сестрой и произносит:

— Присядьте, — указывает на маленький диван.

С Данией исполняем желание отца, вопросительно переглядываясь.

— У меня для вас новости, одна плохая, другая хорошая. Начну с плохой. Мой бизнес терпит не самые лучшие времена. Всё моё дело под угрозой. Не буду вдаваться в подробности, но также угроза виснет и над вами. Чтобы защитить вас и бизнес — я принял решение, — отец замолкает, поднимает какую-то бумагу со стола.

Слова родителя приводят в недоумение. Всё внутри холодеет, услышав не очень приятные вести.

— Перехожу к хорошей новости, — продолжает отец, — Дания, мы поговорили с Тамиром, он берёт тебя замуж. И поэтому через несколько дней проведём церемонию никак
**.

Сестра издаёт писк, прижимая ладони к губам. Она вся светится, а её глаза полыхают счастьем и восторгом. Улыбаюсь, зная, как она мечтала выйти за Тамира замуж, и даже искренне радуюсь за сестричку.

— Папа, я так счастлива! — выпаливает Дания, чуть ли не плача.

— Я рад, кызым (пер. с татарского «дочка»).

Но отец не выглядит весёлым, наоборот, он очень серьёзен и даже напряжён. Меня это удручает, а значит, у него и впрямь не всё гладко.

— Теперь ты, кызым, — а это уже обращается ко мне, и я непроизвольно напрягаюсь. Что-то подсказывает: меня тоже затронет «решение» отца.

— Внимательно слушаю, папа, — натягиваю улыбку и, надеюсь, получается искренняя.

— Ты тоже выходишь замуж, — объявляет отец. И сказанное им производят эффект пощёчины.

— Пап, какой замуж?! Во-первых, я ещё учёбу не закончила, во-вторых...

— Не перебивай меня, Алсу! — папа резко обрубает мою речь. — Ты выходишь замуж за Тамира Тимерхановича.

— Что-о-о?! — одновременно восклицаем с сестрой.

— Папа! Я не согласна! — чуть ли не кричу, выпаливая протест.

— Я тоже не согласна, чтобы Алсу выходила замуж за Тамира. Тем более, по закону Ислама запрещены браки род-

ных сестёр с одним мужчиной, — возмущается Дания. И я ей очень благодарна за это.

— А ну, молчать! — отец гаркает и ударяет кулаком по столу. — Только я буду решать, кто выйдет замуж, а кто нет. И моё решение не обсуждается!

Грудь сдавливают невидимыми цепями, что даже становится трудно дышать. В ушах шум от частого сердцебиения. Если бы стояла, точно упала в обморок. От таких «новостей» можно получить сердечный приступ. И что-то я ничего хорошего в них не услышала, только смертный приговор для себя.

* — Гульсина-апа (апа — перевод с татарского “тетя, сестра”)

** — никах — это традиционный исламский обряд бракосочетания.

От автора: Приветствую всех в своей новинке! Очень буду рада, если вы присоединитесь к новой истории, надеюсь она вам очень понравится. Вас ожидает: много ревности, любви, боли и обязательно хеппи-энд (только с одной из сестер). История очень провокационная, противоречащая законам. Данная книга задумка и фантазия только автора, не несёт оскорбительный характер или мотив кого-то задеть, это художественное произведение. Все персонажи яв-

ляются вымышленными и любое совпадение с реально живущими случайны.

Очень буду рада вашей поддержке, добавляйте в библиотеку и ставьте звездочку, это мотивирует автора на написание книги.

Глава 2

Алсу

— Сегодня на ужин пребудет Тамир. Вы должны с ним познакомиться поближе. Назначим день ваших торжественных бракосочетаний...

— Папа, остановись, пожалуйста! Что за бред ты несёшь? — опять перебиваю отца. Ну, это просто не мысленно. Такое в страшном кошмаре не приснится.

Бедняжка Дания уже плачет, обливаясь горькими слезами. А ведь минуту назад сверкала от счастья.

— Ты как смеешь разговаривать с отцом в таком тоне?! Я сказал молчать! — он не на шутку злится, и я покорно замолкаю, боясь ему перечить. — Вы всей катастрофы не знаете, что виснет над нашей семьёй. Свои девичьи обиды спрячьте куда подальше. Сейчас я думаю только о вас, когда есть угроза.

— Какая угроза? — спрашиваю отца, еле сдерживая подступающие слёзы.

— Смертельная.

От папиного ответа даже Дания резко перестаёт плакать, замирая на месте.

— Не пугай нас, — ошеломлённо произношу, еле двигая онемевшими губами.

— У меня проблемы, — в голосе папы слышатся поник-

шие нотки. Я даже не сразу верю ему.

Отец всегда был для меня олицетворением мужественности и силы, сейчас выглядит слабым и беспомощным.

— И чтобы защитить дочерей, отдаю замуж за человека, который способен предоставить надёжную охрану, и только под его покровительством вам ничто, и никто не сможет угрожать. Мне лучше живые и здоровые дочери, выданные замуж за одного человека, чем на мне будет висеть тяжкий груз за вашу смерть.

Я будто пребываю в ином измерении, и происходящее творится не со мной. Это неправильно и дико. Как вообще такое возможно?! Мы же живые люди. Кто нам может угрожать и за что?

Мне больше нечего спросить, настолько огорошена и напугана. В груди бурлит коктейль противоречащих чувств. Хочется кричать на отца: «За что так с нами?». Но, с другой стороны, видя его в таком удручающем состоянии, ощущаю к нему жалость.

И всё же, я совершенно не согласна с решением папы. Для меня это неприемлемо. Такое в жизни не могла представить и тем более не смела даже думать.

Как вспомню этого мужчину, какой у него тяжёлый взгляд, сразу передёргивает. Да и как противоречит этот расклад — стать супругой мужчины, который женится на моей сестре. Стóбит подумать об этом и меня начинает тошнить.

Перевожу взгляд на Данию. Она сидит в слезах и смотрит

на отца умоляющими глазами. Явно хочет просить его одуматься и не поступать опрометчиво.

— Эти [Эти́] (перевод с татарского «папа, отец»), давай ты не будешь спешить с подобным решением? — специально обращаюсь на татарском. Ему всегда нравился такой формат.

Он устало трёт лоб, но ничего не отвечает. И тогда начинает Дания:

— Ты нас подводишь к согрешению. Этот брак не принесёт ничего хорошего. Как представить, что мы с Алсу будем супругами одного мужчины? — говорит с упрёком, вытирая мокрые щёки. — Папа, может, Алсу другого жениха найдёшь?

Я зыркаю укоризненно на сестру.

— Не надо мне никого искать! Выучиться хочу для начала, — буркаю Даниё. Но родственнице плевать на моё замечание. Она вся в печали — её возлюбленный станет мужем родной сестрёнке.

— Так, всё, слушать вас больше не намереваюсь. Ступайте, готовьтесь к ужину. Вам предстоит знакомство с будущим супругом. Только сделайте одолжение, оденьтесь прилично, — на заключительном слове делает акцент, смотря в упор мне в глаза, намекая на мой внешний вид.

Дания всхлипывает, резко встаёт на ноги и сбегает из кабинета. Ещё раз бросаю взгляд на отца и удаляюсь следом за сестрой.

До самого вечера обитаю в своей комнате и не решаюсь

проведать сестру, чтобы узнать её состояние, как именно себя чувствует, после папиных новостей. И поддержать друг друга в тяжёлую минуту. Однако предчувствую, Дания даже меня не захочет видеть.

Время, как назло, против меня, оно стремительно близится к приезду Тамира. Гульсинá-апá напоминает об ужине, и надо бы подготовиться.

И на меня накатывает противостояние, всё сделать по-своему. Хочется поступить так, чтобы отец и Тами́р пожалели о своём решении. Как снег на голову пришедшая идея, придаёт уверенности. Я застываю перед зеркалом и лукаво ухмыляюсь собственному отражению, предвкушая выражения их лиц, когда моя блистательная идея воплотится в реальность.

— Алсу, гость приехал. Все собрались в столовой и ждут тебя, — гувернантка стучит в мою комнату, предупреждая об ужине.

— Скоро спущусь, Гульсина-апа, — кричу. Сама наношу последние штрихи к своему образу.

Мой план взбодрил окончательно, вся хворь спала, и на место пришло коварство. Мне хочется им всем отомстить за столь унижительное положение.

Подмигиваю себе в отражении и направляюсь на выход из комнаты, цокая каблуками по мраморному полу.

Неспешно спускаюсь по лестнице. Стук шпилек одновре-

менно звучит с моим сердцебиением. Я так взволнована, что начинают потеть ладони, а по спине проходится холодок от предстоящей встречи. Медленно ступаю по просторному коридору в столовую, откуда слышны мужские голоса. Но по мере приближения они замолкают. И похоже, ожидают моё официальное появление.

«О, да-а-а, сейчас вы все будете в восторге», — мысленно злорадствую.

Делаю глубокий вдох и смело захожу в столовую.

Три пары глаз обращают на меня внимание, и что интересно, все по-разному реагируют на моё прибытие.

У Даний челюсть почти что падает на стол. Отец краснеет и смотрит, гневно, поджав губы в тонкую линию. А у... «Женишка», чёрные как смоль глаза сканируют так, будто прожигают во мне дыру. По телу пробегают мурашки. Хочется спрятаться от его пронзающего взгляда. Но уже поздно, я вступила в игру, и нужно довести её до конца.

От автора: Благодарствую за ваши реакции на книгу, очень и очень приятно)

Глава 3

Алсу

Когда выходила из комнаты, мной двигала уверенность: *«Делаю ради нас с сестрой и нашего будущего»*. Но едва я переступаю порог столовой, мой пыл угасает, словно свет свечи.

На мне надет чёрный топ без бретелек, который очень короткий. Очень. Что даже виден пупок. А внизу короткие джинсовые шорты. Всё это сделала своими руками, безжалостно покромсав джинсовые брюки и чёрную водолазку из эластичного стретча. Нанесла яркий макияж, выделяя чёрным карандашом глаза, а губы накрасила ярко-красной помадой. Волосы собрала в высокий хвост. На ногах босоножки на невысокой тонкой шпильке.

Конечно же, никогда не позволяла себе наряжаться в таком виде — вульгарно и непристойно. Но ради сегодняшнего рокового дня пошла на смелый шаг.

Провокационный наряд был спланирован с целью напугать и отвадить от себя Тамира. Очень надеялась — задумка сработает. Моё ожидание провалилось, и что-то пошло не так.

По сравнению с отцом Тамир не злится. Одна бровь мужчины приподнята, и нескрываемым интересом разглядывает

меня с головы до ног. Ощущаю себя полностью обнажённой под оценивающими глазами Тамира. Ужасно хочу прикрыться и исчезнуть. Но буду не я, если трусливо покину столовую.

— Здравствуйте, — приветствую гостя и с воинственным видом подхожу к столу. Цокот шпилек отдаётся эхом, словно издеваясь над присутствующими.

Сажусь на свободный стул и очень рада, что не рядом с гостем, а напротив. Отчётливо ощущаю на себе его прожигающий взгляд, а конкретнее в районе ключиц, а затем спускающийся ниже. Открытая кожа горит и зудит, что даже хочется почесать. Я боюсь поднимать глаза, зная, что он не сводит с меня своё внимание.

— Раз все в сборе, тогда начнём, — низкий голос с хрипотцой нарушает тишину столовой.

ЕГО голос заставляет сжаться. Властные и жёсткие нотки Тамира, приводят в смятение. Моя воинственность с позором рушится под ноги. С усилием стараюсь не показать страх, игнорируя присутствие гостя. Беру столовые приборы и накладываю в свою тарелку овощной салат. С невозмутимым видом принимаюсь есть, орудуя вилкой.

Но всё же не выдерживаю и поднимаю взгляд на отца. Папа сидит с красным лицом и пытается испепелить меня своими глазами, полными ярости.

— Да, пожалуй, — соглашается с ним отец. — Я дочерям уже сообщил о своём решении. Так что, за тобой остаётся назначить даты бракосочетаний.

От последних слов давлюсь. Хватаю со стола бокал с водой и лихорадочно осушаю.

— Пап, — всё же не выдерживаю и подаю свой голос. Смотря прямо на родителя, мысленно пытаюсь сказать: *я против!*

— Первая выходит Дания, затем Алсу, — игнорирует меня, продолжая свой спич. При упоминании наших имён отец указывает рукой на каждую. Наверно, показать гостю — кто есть кто, как будто Тамир видит нас впервые.

Во мне борются противостоящие чувства, нервные клетки натянуты на пределе и в скором времени не выдержат.

— Тогда тянуть не будем и через неделю сделаем никах с Данией, а позже с Алсу, — из уст Тамира выходят слова, словно выносит приговор. И произносит с равнодушным видом, словно решает будничные рабочие моменты, а не судьбоносный шаг.

— Тамир Тимерханович, а вы разве не знаете, что нельзя брать в жены двух сестёр? — меня прорывает, и я не выдерживаю, задав ему вопрос.

Гость внимательно и мучительно долго смотрит мне в глаза, не торопясь с ответом. На миг, кажется, он сам борется с внутренними демонами, чтобы не ответить грубостью.

— Тебя разве не учили: перебивать мужчин, когда они разговаривают — невежество?

Я аж задыхаюсь. Он хладнокровно одарил меня словесной оплеухой и сейчас нагло ухмыляется над моей растерянностью.

стью.

— Прости за дочь, Тамир. Алсу у нас немного взбалмошная, но очень послушная, — на последнем, отец делает ударение, взглянув на меня с укором.

Я поворачиваюсь к сестре, ища в ней поддержки. Опустив голову вниз, Дания молча ковыряется вилкой в тарелке. Не добившись желаемого, демонстративно откидываюсь на спинку стула и складываю руки на груди, показывая им своё неуважение.

— Ничего страшного. Выйдет замуж, научится всему, — Тамир выдаёт всё так же невозмутимо. — Моя жена должна быть олицетворением женственности и нравственной чистоты, а не базарной девкой. Согласна, Алсу? — спросив, обводит мою внешность осуждающим взглядом.

Тамир не сводит чёрных глаз, наблюдая за моей реакцией.

А мои руки так и чешутся, чтобы не показать средний палец сидящему напротив меня мужчине. А лучше выплеснуть на него воду из бокала.

Глава 4

Алсу

Тамира отвлекает телефон. Извинившись, выходит из столовой. И даже становится легче дышать. В присутствии мужчины, который вызывает у меня отторжение, я ощущаю напряжённость и скованность.

И у него тяжёлая аура. Она давит и заставляет ощущать себя ничтожным моллюском.

— Алсу, это во что ты вырядилась? Зачем позоришь нашу семью? Разве так тебя воспитывал? — с неприкрытым недовольством отчитывает отец.

— Мне так захотелось, — буркаю ему в ответ. Понимаю, веду себя не совсем по-взрослому, но иначе не получается.

— Это в первый и последний раз, поняла? — строго выговаривает.

— А то что? — смотрю на него с вызовом.

— Не сто́ит проверять моё терпение, — отец цедит сквозь зубы, стреляя горящими яростью глазами.

— Я не собираюсь мириться с твоим тоном и с... — киваю в сторону выхода, — навязанным женихом.

Вскакиваю со стула и поспешно выбегаю из столовой, громко отстукивая каблуками.

— А ну, сядь на место! — рычит в спину.

Но мне плевать. Я натерпелась. Сыта по горло.

Два здоровых мужика накиннулись на девушку, лишь была праведной, как Дания. Не на ту напали. Я не овечка, которая идёт на послушание хищным волкам.

Почти бегом направляюсь в свою комнату. Внутри разгорается пожар, кровь кипит, сердце долбит о рёбра, с трудом сдерживая порыв истерики. Я возмущена отношением отца. Сам решил, и сам же требует повиновения, не спросив моего мнения. Так нельзя. Я не кукла, которую можно посадить или поставить, как вздумается хозяину.

Это Дания мечтала о замужестве с Тамиром, а мне этот мужчина совершенно не нужен. Да и вообще, нисколько не нравится. Чересчур строит из себя повелителя вселенной.

Сворачиваю по коридору к лестнице, как вдруг врезаюсь во что-то твёрдое. В глазах сверкают искры. Сильно прикладываюсь носом, отчего выступают слёзы.

— Ай! — издаю писк.

Когда осознаю, куда и во что я вляпалась, с меня сходит все семь потов. Сердце ухает вниз, ноги прирастают к полу.

И что самое ужасное, виновник столкновения — Тамир. А ещё произошла катастрофа: его рука покоится на моей пояснице, где нет ни кусочка ткани, чтобы прикрывала обнажённый участок спины.

По телу врассыпную бегут мурашки, покалывая кожу мелкими иголками. Медленно поднимаю взгляд и натыкаюсь на

чёрные, нахальные глаза. Это как удар под дых, вплотную стоять с неприятным для меня человеком. То ещё испытание.

Его лицо совсем близко, и без труда удаётся рассмотреть каждую родинку и морщинку. Аккуратная тёмная щетина, острые скулы и ровный небольшой нос. Глаза чёрные — пре-чёрные. Красивые, зараза. Но это не меняет моего отношения к нему.

— Сколько сто́ишь? — его тихий голос звучит с хрипотцой. И мне кажется, он надо мной издевается.

Но меня беспокоит не столько его вопрос, сколько мужская ладонь, покоящаяся на моей пояснице, и которая жжёт, словно огонь.

— Что?! — переспрашиваю онемевшими губами.

— Шлюхи обычно называют цену, а ты выглядишь как самая настоящая падшая женщина. Вот и спрашиваю: сколько сто́ишь?

Мой рот раскрывается, глаза расширяются. Рука автоматически взлетает, чтобы ударить нахала. Не успев съездить подонку по лицу, он успевает схватить мою руку за запястье. Сжимает с такой силой, что останутся синяки. Но не подаю виду, что мне больно. Я в бешенстве и негодовании, ещё никто так, меня не обзывал.

Я мысленно пытаюсь испепелить Тамира, смотря на него с ненавистью. Хочется разодрать его наглую рбжу, чтобы остались шрамы на всю «тамировскую жизнь».

— Да как вы смеете?! — шиплю на него. А ему море по колено на моё возмущение.

Павлин по имени Тамир, с насмешливой усмешкой следит за мной. Ему забавно. А мне лишь хочется раствориться в тени.

— Смею всё. Скоро узнаешь... — делает паузу, — насколько.

Последнее слово выдыхает мне в лицо, с порочным подтекстом.

На моей пояснице ладонь чудовища сжимается, щипая кожу. Я как ошпаренная отталкиваю подлеца, отстраняясь на безопасное расстояние.

— Иди, переоденься и спускайся, — указывает на второй этаж.

И не дожидаясь моего возмущения, разворачивается и медленным шагом направляется в сторону столовой.

— Козёл! — плевать, если он слышит.

Пока смотрю за удаляющейся широкой спиной, замечаю сестру. По сравнению с моим смелым видом, она в хиджабе лилового цвета.

Дания провожает Тамира безропотным взглядом. И кивает ему, когда проходит мимо. Затем она переводит глаза в мою сторону. Я даже ошпариваюсь от выражения лица сестры.

Она надвигается ко мне быстрым шагом. Смотрит так,

будто хочет проделать во мне дыру.

— Ты специально так вырядилась, да? — шипит на меня.
— Хочешь соблазнить его?

Да что же это такое?!

— Ты ошибаешься, Дания, — устало произношу, закатывая глаза.

Взглянув презренно, она проходит мимо меня, направляясь к лестнице.

— Да постой ты, дай объяснить, — хочу остановить её.

Дания резко разворачивается и чуть ли не кричит:

— Он мой! Мой, Алсу. Ты это всегда знала! — в её глазах блестят слёзы, рот кривится, будто больно. И мне становится жалко сестру, что в пору самой заплакать за компанию.

Сестра не дожидается моего оправдания, бегом поднимается по лестнице и скрывается из виду.

Чёрт.

Всё-таки не сдерживаюсь, из глаз хлынут слёзы. Обидно за неё. Обидно за себя, что приходится испытывать унижение и позор.

Ещё не хватало с сестрой ссориться из-за мужчины. Это просто не складывается в моей голове.

От автора: Спасибо огромное за ваши награды, очень приятно!)

Глава 5

Алсу

— Алсу, чего сегодня такая тухлая? — спрашивая о моём состоянии, подруга толкает меня в плечо, а точнее — одногруппница.

С Мариной дружим с самого первого курса экономического института. Наша дружба завязалась легко и непринуждённо. Она весёлая и общительная девушка. Учимся в одной группе по специальности «реклама и связи с общественностью» на третьем курсе. И на носу летняя сессия, которую нужно сдать на отлично.

— Всё нормально, — переубеждаю, а у самой никак не выходит вчерашний день.

Я так и не вернулась в столовую, предпочитая остаться в своей комнате. Гульсина-апа звала меня, но я принципиально не стала спускаться. Нечего мне было там делать. Всё и так уже понятно — нас выдают замуж, не считаясь с нашим мнением.

Что могу сделать в этой ситуации? Наверно превратиться в пар. А лучше всего вообще не появлялась на этот свет.

Как подумаю, что скоро выхожу замуж, всё внутри холодеет и накачивает истерической волной.

Дания обиделась на меня, даже не желает разговаривать,

считая, что я хочу увести её возлюбленного.

Больно нужен. Бр-р-р.

— Как пришла с утра кислая, таковой и остаёшься по сей час. Поругалась с Ромой? — не отстаёт Марина, выуживая причину моего настроения. Я не знаю, как рассказать ей о предстоящем замужестве. Это будет звучать дико. Даже для неё, узнав, что у меня с сестрой будет один муж.

Ох, Аллах, какое безрассудство. В голове не уместается такое понятие.

— Нет, с Ромой у нас всё по-прежнему. Просто повздорила с сестрой. Ничего сверхъестественного не произошло, — пытаюсь её успокоить, придумывая на ходу отмазку.

«Ещё как произошло! Знала бы ты, Марина», — мысленно разговариваю с ней.

— Пошли тогда в буфет, что-нибудь перекусим. Всё-таки нужно ещё одну пару отсидеть.

Выходим с ней из кафедры и направляемся в студенческую столовую. Размещаемся за дальний столик у окна. Глазами разглядываю присутствующих, выискивая Рому. Он обычно приходит после четвёртой пары.

— Своего ищешь?

— Да, — киваю Марине. — Должен здесь появиться, — объясняю подруге, ища глазами знакомую фигуру.

— Утром его видела, как раз шёл на пару. Может, задержал препод?

— Может быть, — пожимаю плечами.

С Мариной берём на раздаче себе пюрешку с котлетой, капучино и круассан. Не спеша, обедаем и разговариваем о студенческой жизни. Немного отвлекаюсь от своих проблем и вливаюсь в беседу с подругой. Я даже не замечаю, как в столовой появляется Рома, внезапно возникший у нашего столика.

— Привет, красавицы, — говорит он, улыбаясь широкой белозубой улыбкой. Его глаза, словно ясное дневное небо, сверкают озорным блеском.

Роман — высокий парень, с худощавым телосложением и пшеничными волосами. Он мне понравился с первого взгляда, когда только увидела в нашем институте.

Познакомились с ним недавно и старались поддерживать дружеские отношения. Понимала, что постепенно влюбляюсь в него. Как позже оказалось — ему я тоже не безразлична.

Теперь же Роман предлагает другой формат отношений, начать встречаться как девушка с парнем. Это был для меня самый волнующий момент, когда признался в чувствах и предложил стать его девушкой.

Рому предупредила сразу, что у меня строгий отец и не очень одобрит наши отношения. И обещала сначала поговорить с отцом, только потом дать ответ.

А в итоге...

В итоге я скоро выхожу замуж. И не знаю, как сказать об этом Роману.

— Привет, — кокетливо улыбаюсь, рассматривая с жадностью лицо парня.

С Ромой разница в возрасте всего лишь год. Ему двадцать один, мне двадцать. У нас с ним одинаковые увлечения и легко найти общую тему для разговора. В общем, общаться с Романом — одно удовольствие.

— Соскучился, — садится рядом со мной и целует в щёку, отчего начинаю краснеть и смущаться.

Дело не в том, что стесняюсь Романа, а в другом: не привыкла целоваться на людях, выставлять свои чувства напоказ.

Первый и настоящий поцелуй с Ромой произошёл несколько дней назад. Прямо настоящий, взасос и с языком. А произошло в парке, где было безлюдно, и никто не мог лицезреть наши интимные обжимания. Это было самое трепетное и потрясающее событие в моей жизни. Мне казалось, что я взлетаю на небо и парю в невесомости. Наш поцелуй вызвал во мне радость, возбуждение и волнение.

— Я тоже, — стыдливо отвожу глаза, стесняясь смотреть на парня.

Мы сидим дружной компанией ещё пятнадцать минут, разговаривая об учёбе. Пока Марина не оставляет меня и Рому наедине. Подруга поняла, что нам нужно поговорить, поэтому тактично удаляется.

После ухода Марины моё сердцебиение учащается вместе с дыханием, а кончики пальцев рук покалывает. Чувствую

себя взволнованной и не в своей тарелке. Потому что надо сказать Роме о предстоящем замужестве, а у меня язык прилип к нёбу и никак не хочет поддаваться, чтобы сказать несколько слов. Я не имею права обнадёживать парня, не зная, что произойдёт через неделю. Смогу ли я избежать вынужденного брака или всё-таки придётся стать женой неприятного для меня человека?

— Очень хочу тебя поцеловать, ты себе не представляешь насколько, — наклоняется к моему уху и шепчет интимности. На это признание сдержанно улыбаюсь и в очередной раз краснею.

Рома умеет вгонять меня в краску. Его слова льстят, вызывая в груди и внизу живота лёгкий трепет. Но я не отвечаю тем же, а трусливо молчу.

— Ты поговорила с отцом? Уже можешь дать свой ответ? У меня просто терпения не хватает. Хочу всем крикнуть: она моя девушка! И чтоб никто не смел на тебя пялиться, кроме меня, — ехидно ухмыляется.

Во взгляде Ромы столько надежды и мольбы, что даже хочу утонуть в нём. Стать его единственной и неповторимой. Но реальность безжалостно спускает на землю, что желаю провалиться. Да хоть куда, лишь бы не сказать всю правду. Смотря в его небесные глаза, понимаю, что не могу этого сделать. Просто не могу.

Как можно сообщить, что скоро выхожу замуж. Уже не говоря, что мы с сестрой выходим за одного мужчину. Это просто катастрофа!

Глава 6

Алсу

Дания уже всюду готовится к «ника́х», который состоится через три дня. Папа обратился по её просьбе к организатору свадебных церемоний, и сестра в агентстве проводит чуть ли не целыми днями. Я, только мысленно закатываю глаза на их действия, они ведут себя, будто ничего ужасного не происходит.

С отцом пыталась несколько раз поговорить, но тщетно. Он даже не хочет меня слушать. И после каждой попытки изливалась слезами в своей комнате, мечтая оказаться на необитаемом острове. Особенно когда отец объявил решение, что в институт и обратно домой, буду ездить в сопровождении водителя. Такая новость отца, не совсем по нраву. И как теперь мы будем встречаться с Романом?

Роме я так и не смогла сказать, боясь его осуждения, а может, даже разозлится и на эмоциях придёт к моему отцу. Такого точно нельзя допустить.

Сидя в своей комнате, слышу за окном шорох шин подъезжающей машины. Любопытство распирает: кто к нам пожаловал. Подбегаю, боясь там увидеть неприятного гостя по имени Тамир.

Что-то в моей жизни много стало этого самого Тамира.

После рокового дня — объявления о женитьбе, он у нас больше не появлялся, чему несказанно рада.

Отодвигаю штору и затаиваю дыхание, вглядываясь во двор дома. В груди всё расцветает и растыкается тёплое томление по грудной клетке, когда вижу, кто именно пожаловал.

К дому подъехал белый внедорожник. Из машины выходит женщина средних лет в строгом тёмном платье. Это тётя Нурия — родная сестра папы.

Нурия-апа приезжает к нам очень редко, потому что живёт за сто километров от нас. И её приезд сегодняшний неожиданно для меня. Слежу затем, как она уверенно направляется к главному входу в здание. Подрываюсь на месте, быстрым темпом передеваю свои домашние короткие шорты на джинсовые брюки.

Выбежав из комнаты, с предвкушением о встрече с тётей, несусь на всех парах по лестнице.

Тётю очень люблю, как родную маму. Она к нам относится с материнским теплом и трепетом. И я успела по ней соскучиться.

Спустившись на первый этаж, ищу её глазами, прислушиваясь к звукам. Глухие голоса слышатся из папиного кабинета, и я спешу туда, чтобы поприветствовать родственницу.

— Гаяз, ну как же так?! Ну, это же неправильно? Позор какой! Я как узнала, думала, мне почудилось, и всё на самом деле не так, как передали. А ты подтверждаешь слова Тимура, — сокрушается тётя.

Застываю у двери кабинета, которая приоткрыта. Я сразу догадываюсь, о чём она негодует и возмущается.

— Другого выхода нет. Думаешь, мне это всё приносит удовольствие? Я готов сквозь землю провалиться, но по-другому не получается, — поникши оправдывается отец.

— Почему нельзя? Пусть Дания выходит за Тамира, она же так этого хотела. А Алсу выдай за сына Рината Галеева или отправь учиться в другую страну. Зачем так поступать со своими родными дочерьями? Я возмущена, Гаяз!

— Нельзя, апá (перевод с татарского — сестра, тётя). Нельзя и всё здесь.

— Почему? — требовательно спрашивает Нурия-апа.

Отец молчит, похоже, не решается ответить на вопрос тётти. После секундной паузы отвечает:

— Ильгиз.

— Что Ильгиз? — растерянно переспрашивает. В голосе тётти слышится испуг, и меня это настораживает.

— Закрой плотнее дверь, и я тебе всё расскажу. Но обещай, никто не должен знать.

— Ты меня пугаешь, — негромко поизносит Нурия-апа.

— Закрой, пожалуйста.

В кабинете раздаются приближающие шаги. Встрепенувшись, что меня могут обнаружить, отбегаю в сторону, прячась за поворотом. Звучит щелчок закрываемой двери. Разговор родственников уже не слышен, хоть прикладывай ухо. Расстроившись, отправляюсь обратно к себе в комнату.

Их эмоциональная беседа приводит меня в ступор и непонимание.

Кто такой Ильгиз? И что за секретное дело с ним у отца?

Мне теперь становится любопытно, что такого могло произойти, отчего отец идёт против своих моральных принципов. Вспоминаю слова папы, когда говорил о смертельной опасности, внутри всё леденеет и приводит в ужас.

Уже в своей комнате не нахожу место, расхаживая туда-сюда, размышляя об услышанном.

Спустя двадцать минут, в мою спальню стучат и открывается дверь. Улыбаюсь, когда вижу голову в проёме тёти Нурий.

— Нурия-апа!

Подбегаю к ней, и мы обнимаемся. От родственницы пахнет стойкими духами с нотками ириса и розы. Сильнее прижимаюсь и целую её в щёку. Она стискивает в своих объятиях, покачивая меня из стороны в сторону.

— И-и-и-й, минём кызым (перевод с татарского — «моя девочка»), — тётя расцеловывает меня в обе щеки.

— Соскучилась по вам. Вы так давно не приезжали, — говорю ей.

— Так, сами бы приезжали к нам. Наши двери всегда открыты, — смеётся Нурия-апа.

— Если бы могла, переехала к вам насовсем, — проговариваю, а сама чуть не плачу.

Тётя отстраняет от себя. Всматривается в моё лицо, раз-

глядывая внимательнее. От её обеспокоенного взгляда мне и правда хочется разрыдаться. Почувствовав заботу тёти, мне сразу не хватает мамы, которую, к сожалению, я никогда не увижу и не обниму.

— Почему папа хочет выдать за Тамира? Он мне совершенно не нравится. Тем более он для меня старый, — всё-таки не выдерживаю и начинаю плакать.

— Кызым, всё-всё, успокойся. Т-ш-ш, — обнимает и прижимает мою голову к своей груди.

— Я тоже против такого союза. Но... — замолкает недоговорив.

— Что, но? — поднимаю на неё глаза, полные слёз.

Тётя жалостливо смотрит, затем не выдерживает мой отчаянный взгляд, переводит внимание на окно.

— Вам придётся поступить, как требует отец. Если было в моих силах — ни за что не позволила этому случиться. Но, извини, Алсу, я не могу и не имею права помешать. Тебе и Дание придётся выйти замуж за Тамира, — с её глаз стекают слёзы, оставляя влажные дорожки. И это пугает.

Что же произошло? И чем отец убедил даже тётю?

Глава 7

Алсу

Нурия-апа так и не ответила — в чём именно дело, почему приходится совершать этот немыслимый шаг. Сколько бы ни пыталась, она стояла на своём, отговариваясь, обещанием отцу.

Время идёт и близится к худшему дню в моей жизни. Паника нарастает с каждым приближённым днём с новой сокрушающей волной. Мысли меняются с хаотичной периодичностью, обдумывая свои действия.

Сегодня день — никаха Дании и Тамира. Я категорично отказалась там присутствовать. Как бы я ни любила сестру, но сейчас не желаю ей счастья. Просто представить, что в скором будущем окажусь на её месте, меня передёргивает.

Мне удалось увидеть Данию в её свадебном облачении. Она выглядит поистине потрясающе: белоснежное платье в пол с длинными рукавами, изысканно украшенное золотыми вышивками и кружевными узорами. На её голове белый платок, завязанный в тюрбан, от которого струится длинный шлейф, напоминающий фату.

Дания очень красива в этом наряде. И если бы не обстоятельства, искренне пожелала ей счастья с Тамиром. Сестра так и осталась холодна и суха со мной. Сколько бы ни пыталась с ней поговорить, она сдержанно и бесстрастно отвеча-

ла мне.

К нам домой приехали несколько гостей — это тётя с мужем Тимуром, Тамир с тремя своими родственниками. Как рассказала Гульсина-апа, приехала мать жениха. Будущую свекровь я ни разу не видела и не горю желанием познакомиться, хоть меня и просила гувернантка спуститься и почтить уважением будущую свекровь.

Бр-р-р.

Жуть какая.

Также приехал и сам Мулла, чтобы провести обряд. Церемония никаха продлилась около часа, после проповеди обычно приглашают Имама и гостей к застолью.

После того как священнослужитель покидает дом или сами брачующиеся мечеть, которые пожелали провести обряд в стенах святыни, начинают настоящее празднование, сопоставимое со свадьбой официальной регистрации в ЗАГСе.

Но, как сообщила Гульсина-апа, Тамир отказался. Он вместе с Данией уехали в его дом. И вот этот факт вызывает во крупную дрожь, представляя, что-то же самое ожидает и меня.

— Как всё прошло? — спрашиваю тётю.

Сразу после того, как проводили гостей, Нурия-апа поднялась в мою комнату.

— Всё отлично прошло. Дания осталась довольной и с улыбкой на лице упорхнула из родительского дома, — ухмыляется тётя.

— А почему не стали праздновать?

— Тамир так захотел. У него срочные дела.

— Понятно, — вздыхаю тяжело.

— Я останусь ещё у вас, помогу тебе выбрать наряд. Ты же мало в этом понимаешь, — не спрашивает, а утверждает.

Морщусь от слов тёти, совершенно не хочу выбирать себе наряды. Если бы я выходила замуж за любимого, в первый день о помолвке побежала искать себе платье. А сейчас даже нет никакого желания, что-либо себе приобретать.

— Алсу, ты вообще в последнее время не нравишься мне. Что с тобой происходит? — спрашивает Марина с беспокойством.

До меня не сразу долетает смысл сказанного подругой. И с заторможенностью отвечаю ей:

— За сессию переживаю, — вру и не краснею.

В кафедре много студентов, скоро летняя сессия и у всех в один момент появляется тяга к учёбе, исправно посещая все пары.

— А Рому избегаешь тоже из-за сессии? — в интонации подруги звучит недоверие.

Что вот ответить Марине? Что завтра выхожу замуж за мужчину, который является мужем моей сестры? Да, я стала избегать Рому. Потому что не хватает смелости признаться в позорной и грешной тайне. Если на мнение других мне пле-

вать, но только осуждение и разочарование в глазах Романа — я не выдержу.

Всю эту неделю после института, мы с тётей ездили в свадебные салоны для мусульманских невест. И я ненавидела такие моменты. Хотелось кричать на всех и убежать куда глаза глядят. Если днём сдерживала эмоции, то уже ночью, лёжа в своей кровати, с горя ревела в подушку.

Смотрю в красивые зелёные глаза подруги, и в голове вспыхивает идея — вздорная и безрассудная, из-за которой, возможно, сильно пожалею, но другого выхода не вижу, иначе я сойду с ума.

— Марин, можно сегодня к тебе с ночёвкой? — осторожно спрашиваю подругу.

Одна бровь девушки приподнимается, с напряжённым вниманием вглядывается в мои глаза.

— Можно, конечно. Но обещай, ты мне всё расскажешь, что творится с тобой.

Это настоящий квест, покинуть здание института. Потому что на парковке стоит машина с водителем, который каждый день, верно, ждёт мою персону по указанию отца. Через чёрный ход института пробиваемся на улицу. Стараясь незаметно, ускользнуть через задние дворы учреждения. Добираемся до съёмной квартиры Марины за полчаса. Она её снимает с ещё одной студенткой. Сама Марина из окраины, откуда приехала в наш город поступить в институт. Надеюсь, смогу на время у неё пересидеть, пока всё не пройдёт. И первое,

что сделала — выключила телефон, предварительно написав тёте Гульсине: «у меня всё хорошо и не ждите сегодня».

Вечером с Мариной готовим ужин, и по ходу рассказываю ей всю сложившуюся ситуацию. Подруга, естественно, ужасается и пребывает в шоковом состоянии.

— Вы в средневековых временах живете, что ль?! Ну, как так-то? — негодует подруга, размахивая руками.

— Вот так. Отец — авторитет в нашей семье и послушаться его не можем. Нет, он не изверг и не тиран, просто у него такой подход к воспитанию и забота. Он никогда нас не бил и не ставил запреты на определённые вещи. Например, отец не вынуждает меня носить хиджаб и соблюдать каноны Ислама. Это добровольное желание, — объясняю Марине, счищая кожуру с картофеля.

— Блин, но быть второй женой, да и ещё с сестрой вместе. Я даже не знаю, что сказать. Для меня это неприемлемо, — продолжает возмущаться.

— Не только для тебя. В Исламе это тоже запрещено.

— Тогда какого... прошу прощения... чёрта, это происходит?! — она чуть ли не брызжет слюной, эмоционально реагируя на мою ситуацию.

— Уф-ф, — тяжело вздыхаю, даже не знаю, как ей объяснить обстоятельство с точки зрения отца. — Марин, я сама ничего толком не понимаю, поэтому ответить сложно.

Так, мы с ней заканчиваем с ужином, едим и отправляемся спать. Завтра суббота, и Марине вставать рано на лекции.

Но, а мне придётся остаться у неё, переждать бурю.

Время показывает двенадцатый час ночи. Меня сильнее и сильнее потряхивает, боясь реакции отца — насколько будет зол и взбешён. Каждый прожитый час, минута и секунда, будто приближают к концу света. Беспокойство не покидает. Меня топят чувствами вины и стыда, что поступаю по-детски. Но нежелание выходить замуж сильнее меня, и подумать, что завтра могу стать замужней, убивает неуверенность и сомнение в своём поступке.

С колотящимся сердцем ложусь спать на одной кровати с Мариной. Её соседка по квартире обитает в другой комнате. В квартире звенящая тишина, когда пытаюсь уснуть. Но мои мысли заняты переживаниями, мешающие полноценно уйти в сонное царство Морфея.

Неожиданно тишину нарушает звонок во входную дверь и затем следует громкий стук. С Мариной подскакиваем на кровати. Моё сердце готово выпрыгнуть из груди. Я уже знаю, кто это. И боюсь произносить вслух подруге.

— Чёрт, кого там ещё принесло в такой час? — шёпотом ворчит Марина.

И пока мы с ней соображаем, её соседка по квартире, шлёпает босиком по коридору.

— Кто там? — недовольно спрашивает у нежданного гостя.

— Открывайте! Я знаю, что моя дочь здесь. Если не откроете, это сделаю сам, — за дверью слышится грозный го-

лос отца.

Блин, блин, бли-и-ин...

Визуализация Дании в образе невесты.

Глава 8

Алсу

— Что будем делать? — испуганно шепчет Марина.

— Я сама не знаю, — отвечаю ей.

Папа продолжает беспрерывно трезвонить и долбить в дверь. Чувство вины давит на меня бетонной плитой. Надо уже что-то делать, иначе переполошит всех соседей. И тем более передадут хозяевам квартиры, и арендаторам будет сложнее. Подруга Марины убежала в свою комнату со словами: «сами разбирайтесь».

Спешно надеваю на себя джинсы и футболку, направляюсь в прихожую. Марина сильно напугана и боится выходить за мной. И я её понимаю, сама трясусь как осиновый лист.

Всматриваюсь в глазок, затаив дыхание. За дверью стоит отец, взгляд хмурый и недовольный.

— Открывайте! — дёргаюсь, когда следует громкий удар.

Проворачиваю замок и осторожно отворяю дверь. И сразу же натыкаюсь на грозный и хмурый взгляд отца.

— Что ты делаешь, Алсу? — голос у отца хрипит, произнося укоризненно.

— Я не хочу выходить замуж, — отвечаю виновато.

— Одевайся и выходи. Буду ожидать тебя здесь.

— Нет, папа, я никуда не поеду, — стою на своём.

Отец закрывает глаза и тяжело вздыхает, будто мертвецки устал. А он и выглядит уставшим. Наверно, моё исчезновение здорово его потрепало.

Чувствую укол вины за своё небрежное отношение к родителю. Но по-другому я не смогла... просто не смогла. Я потихоньку схожу с ума.

— Алсу, — в его глазах уже отсутствует недовольство. Наоборот — мольба. — Кызым, пожалуйста, оденься и выйди. Обещаю, мы поговорим с тобой.

И меня это подкупает. Возвращаюсь в комнату и переодеваюсь. Забираю с собой вещи, уже заранее зная — не вернусь сюда. Прощаюсь с Мариной и благодарю за помощь. Но приходится извиняться, за доставленные неудобства.

С отцом спускаемся и выходим из подъезда. Нас ожидает чёрный автомобиль. Вместе с ним располагаемся на заднем сиденье. Изначально, когда водитель трогается с места, и едет по направлению к нашему дому, мы с отцом молчим.

Тишина в салоне настолько напрягает, что начинаю выламывать свои пальцы. Я уже предвкушаю, что он начнёт меня отчитывать за безрассудный поступок.

— Перед смертью вашей матери я обещал, что буду оберегать и защищать вас, — внезапно начинает говорить отец.

Упоминание о матери, моё сердце сжимается и тянет тупой болью. Её знала совсем немного. Когда мама умерла, мне было шесть лет. Но всё-таки остались тёплые и красочные воспоминания о ней.

— Всегда старался, чтобы вы ни в чём не нуждались и были сыты. Так, я построил свою компанию. Хотел для вас самой лучшей жизни и заменить потерю. И вроде всё идёт как надо, всё хорошо. Учитесь, живете в достатке, мой бизнес процветает. Но приходит такой момент, что я могу всего этого лишиться. И плевать, если только бизнес, но есть самое страшное для меня, и это вы.

Я резко поворачиваю голову в его сторону. Отец смотрит невидящим взором в окно, разглядывая огни ночного города.

— И сегодня мне стало страшно, что потерял тебя навсегда. Не представляешь, через какие круги ада прошёл, думая, что с тобой произошло ужасное. Тебе может не понять, лелеешь свои девичьи обиды, да и сам виноват в этом. Но, кызым, хочу тебя попросить, а не требовать, — поворачивает голову и смотрит в упор. — Сделай так, как тебя прошу. Умоляю тебя. Просто молча выйди за Тамира. Он тот, кто может взять под защиту моих дочерей. Не бойся его.

Впервые отец говорит со мной таким тоне, да и ещё умоляет. Это такая редкость, что даже меня приводит в недоумение.

— От кого или чего защищать, пап? — мой голос предательски дрожит.

— От очень плохого человека.

— Его зовут Ильгиз?

Отец отшатывается, распахивая широко глаза, смотрит вопросительно:

— Откуда тебе известно?

— Я немного подслушала ваш разговор с тётёй Нуриёй. Только и успела услышать имя Ильгиз.

Он отворачивается к окну, недолго размышляя над моими словами, продолжает:

— Не нужно знать тебе о нём. Просто сделай, как прошу, пожалуйста, Алсу. Ради Дании, меня... мамы.

— Ну как можно провести никах, если мы с Данией родные сёстры?! — не унимаюсь я.

— Об этом не беспокойся, — спокойно отвечает папа.

— Что, имам будет грешить? — ухмыляюсь над положением дел.

— Нет, в этом плане всё в порядке. Просто соверши, дочка. Очень тебя прошу. Тамир не обидит вас, за это я ручаюсь. Доверяй мне. Ты веришь?

Я молчу. В глазах папы столько грусти и печали, что и правда становится его жаль. Слезы подкатывают, хочется кричать, но, я опускаю голову и киваю ему в ответ.

Глава 9

Алсу

Насильно замуж выдавали,

За немого, старого.

Колокольчики звучали,

К храму привела дорога.

В слезах невеста под фатой,

Поблудневшая стояла.

Хотелось ей бежать домой,

Когда кольцом окольцевали.

Своего любимого теряла,

Родители заставили.

Со свадьбы просто убежала,

Вдвоём, как снег растаяли.

Невеста в платье подвенечном,

Богатого оставила.

Окунулась в счастье вечном,

Нас друзья поздравили.

С друзьями свадьбу продолжали,

Были счастливы до слёз.

Молодожёнов поздравляли,

В свой дом, невесту он увёз.

(Автор стиха Нина Ивановна Яновская ©)

Читаю на просторах интернета строчки стихотворения одной очень талантливой поэтессы. Вот только в моей жизни не так позитивно, как написано в этом стихе. И никакой возлюбленный не спасёт меня от вынужденного брака, и тем более не смогу убежать. Я полностью опутана сетью, из которой не выбраться.

Непрошенные слёзы скатываются по щекам. Сколько уже

можно плакать? Давно должны были высохнуть и прекратиться, но нет, идут и идут.

— Алсу, вы опять?! — возмущается визажист, аккуратно вытирая бумажной салфеткой мои щёки.

— Простите, не могу контролировать, — тут же оправдываюсь, шмыгая носом.

С папой вернулись вчера домой поздно и всю ночь не могла уснуть, рыдая в подушку. А утром, когда приехали визажист и парикмахер, в один голос ужаснулись от моего вида. Глаза были опухшие и красные, а под ними огромные мешки.

Они как крёстные феи принялись колдовать над моей внешностью, пытаюсь убрать все недостатки. Самое креативное было — с мешками под глазами, приложив на закрытые веки смоченные пакетики зеленого чая.

Девушки теряются, видя моё настроение. Не знают, как вести себя в моём присутствии: то ли радоваться, то ли сочувствовать.

Мне безразлично, как выгляжу и что проделывают с внешностью. Просто сижу послушной куклой, которую одевают и прихорашивают.

Когда уже всё готово, Гульнара — визажист подводит к зеркалу, показывая свои труды. В отражении на меня смотрит девушка с грустными глазами. Полностью облачена в белое. На голове тюрбан, от которого тянется шлейф, и платье, прикрывающее все участки тела. Гульнара постаралась нане-

сти макияж, выразительно подчёркивая карие глаза и черты лица.

— Спасибо, — выдавливаю из себя благодарность за их работу.

— Вы и так очень красивая, а я только выделила вашу красоту, — оправдывается визажист Гульнара. — А если улыбнётесь, так вообще станете ещё краше, — она говорит с виноватым и сочувствующим лицом.

И я сдержанно улыбаюсь девушке, при этом ещё раз благодарив.

Девушки уходят, оставляя меня одну в комнате.

Приближение к судьбоносному часу заставляет нервничать сильнее и сильнее. Неимоверно трясутся руки, как у невротика. Грудная клетка ходит ходуном, вызывая удушье. Мне кажется, как только увижу ЕГО — упаду в обморок.

Раздаётся резкий стук в комнате, отчего испуганно вздрагиваю. Не дождавшись моего ответа, в спальню осторожно входит Нурия-апа. Наши глаза встречаются. Во взгляде тёти читаю сожаление, но она делает усилие над собой, ухмыльнувшись скупой улыбкой.

— Ты очень красива, — проговаривая слова с теплотой и лаской.

— Спасибо, — коротко киваю в ответ.

Она молчит, смотря многозначительным взглядом, будто хочет, что-то сказать, но не решается.

— П-пора, — дрожащим голосом произносит тётя.

Но на меня производит эффект ледяной воды, что плеснули в лицо. Делаю судорожный вдох, сжимая в руках небольшой букет нежно-розовых роз. Коротко киваю тётке, и мы вместе выходим из спальни. Предполагаю, что навсегда. Кажется, мой привычный мир сегодня рухнет, и окажусь в неизвестности, где нет счастья и радости.

Когда спускаемся к гостиной, где и пройдёт церемония, слышатся голоса мужчин, что беседуют между собой.

Мы входим в помещение, гул голосов в момент затихают. Настаёт звенящая тишина. Обвожу всех присутствующих взглядом. Здесь немного гостей: отец, муж тётки, неизвестный мне мужчина и женщина средних лет. А тот, кого я вообще не хотела бы видеть, стоит рядом с Муллой.

Рассматриваю его внешний вид и подмечаю детали: на нём строгий чёрный костюм, белая сорочка, аккуратно уложенные тёмные волосы.

Тамир тоже не отстаёт, рассматривая мой облик. Оценивающий взгляд жениха скользит по моей фигуре, не скрывая свой интерес. Его пристальное внимание вызывает неудобство, отчего хочется отмахнуться, как от надоедливой мухи.

Тётя мягко подталкивает меня в сторону отца. Я послушно направляюсь, встав рядом с ним.

Мулла просит занять свои места, и присутствующие оживают, усаживаясь на стулья, чтобы было удобно слушать проповедника.

Тамир и я садимся рядом с Муллой, а гости располагаются

позади нас. Священнослужитель начинает с прочтения молитвы, а после рассказывает о процедуре никах. Затем переходит к части, когда нужно спрашивать свидетелей, жениха и невесту о добровольном желании и нет ли препятствующих условий для брака.

Замираю, когда спрашивает моё согласие. Молчу. Мулла ещё раз переспрашивает, думая, что не услышала его:

— Алсу Гаяз-кызы*, является ли ваше желание связать узами брака с Тамир Тимерхан-улы добровольным?

Сжимаю губы и поднимаю голову. Натыкаюсь на тёмный взгляд Тамира. Меня прошибает холодный пот, оттого как он смотрит, словно пытается влезть в душу, и оставить там свой след.

— Да, — негромко отвечаю.

А самый хочется раствориться и превратиться в пыль, но только бы не проживать этот момент.

У Тамира приподнимается уголок рта, показывая своё превосходство.

— Хорошо. Следующий мой вопрос о наличии или отсутствии каких-то условий, которые могли бы препятствовать браку. Есть такие? — Мулла внимательно оглядывает гостей.

У отца ни один мускул не дрогнет на лице, смотря на проповедника. Остальные присутствующие также молчат с невозмутимым видом.

И здесь я не выдерживаю:

— Моя сестра, — подаю свой голос.

— Что сестра? — уточняет Мулла.

— Она жена Тамира. Является ли этот факт препятствием для никаха? — спрашиваю и затаиваю дыхание. Сердце грохочет, ожидая ответа Имама, надеясь, что сейчас он прекратит это непотребство.

Мулла ухмыляется над моим вопросом и отвечает:

— Так, сестра же не приходится для вас кровной. Об этом сообщил мне ваш отец. Так что, нет, не является препятствием.

— Ч-что?! — заикаюсь от полученного ответа. Начинаю часто моргать, не поверив ни одному слову Муллы. Театр абсурда переходит все рамки.

Резко поворачиваю голову к отцу, который сидит хмурый и с силой сжимает челюсти. Он молчит и не опровергает слова священнослужителя. Неужели отец докатился до такого, обманув Имама, лишь бы выдать меня замуж?

*— (еще в Средних веках у татар обращались к человеку по личному имени отца. В женском и мужском роде после личного имени использовались формы арабских слов «бинте», «ибне» и татарские — «кызы» - дочь, «улы» - сын. Дословный перевод — Алсу дочь Гаяза, Тамир сын Тимерхана. С конца 19 века под влиянием русской антропонимики в обиход татарских наименований стали входить фамилии, а отчества стали обозначаться при помощи аффиксов «-ович/-евич», «-овна -евна», например: Шарипов Тамир Тимерха-

нович, Давлетшина Алсу Гаязовна).

Визуализация Алсу в образе невесты

Глава 10

Алсу

В ушах шумит и заложенность. Невидящим взором смотрю перед собой. Улыбающиеся лица мелькают и сливаются в одну картинку. Они что-то говорят, но их не слышу. Только прослеживаю за шевелением губ, не разбирая их слов.

Оглушённая событиями, послушно иду на выход из здания. Что-то или кто-то неимоверно жжёт мою ладонь и не сразу замечаю – это рука новоиспечённого мужа. Тамир держит меня за руку и выводит из отчего дома. На губах ощущаю влагу и не сразу понимаю — это слёзы.

Прихожу в себя, когда звучит хлопёк, от которого вздрагиваю. Это закрыли за мной заднюю пассажирскую дверь автомобиля. А кажется, с грохотом захлопнули крышку гроба, где умерли мои мечты о счастливой и прекрасной жизни.

Сознание постепенно выплывает из вакуума и приобретает ясность. Автомобиль, в котором я еду, мчится по городской магистрали. Поворачиваю голову влево и натываюсь на профиль Тамира. Мы оба сидим на задних пассажирских местах, а за рулём человек из охраны.

Рассматриваю рядом сидящего мужчину. Он задумчив и сосредоточен. Похоже, почувствовав на себе внимание, переводит взгляд в мою сторону. Наши глаза встречаются. Тём-

ный взор Тамира вызывает тахикардию, становится тяжело дышать. Смотрит так, будто вгрызается в моё сознание и хочет им завладеть. Быстро отворачиваюсь, не выдерживая эту пытку.

— Успокоилась? — низкий голос Тамира разрезает тишину салона.

Скашиваю глаза в его сторону, так и ничего не ответив. Стараюсь смотреть ему в область шеи, чтобы не испытывать в очередной раз пронзающий взгляд мужчины.

— Ты не можешь говорить? — вроде произносит спокойно, но эти властные нотки портят представление о человеке.

— Могу. Но зачем говорить, если и так видно? — бубню себе под нос и отворачиваюсь к окну, показывая нежелание продолжать беседу.

— Если хочешь показать своё неуважение или превосходство над оппонентом, всегда смотри в глаза.

Слова Тамира задевают за живое, вызвав негодование. Не выдерживаю и надменно спрашиваю навязанного мужа:

— Это совет или приказ?

Тамир задумчиво всматривается, сканируя каждый сантиметр моего лица, особенно... губы. Они начинают покалывать. Непроизвольно облизываю их, чтобы унять зуд.

— Надеюсь, твоя дерзость пройдёт. А иначе... — он замолкает, рассматривая с интересом, словно решает сложное уравнение.

— А иначе что? — приподнимаю одну бровь, смотря с

вызовом прямо в глаза мужчины.

Тамир щурится. Его выражение лица становится каменным и ничего хорошего не сулит. Но я стойко выдерживаю тяжёлый и пронзающий взгляд.

— Иначе придётся заняться перевоспитанием. Алсу, скажу один раз, — смотрит предупреждающе. — В моём доме вам не грозит опасность, но также требую уважение и понимание к каждому жильцу. Любое необдуманное самовольство с целью показать своё недовольство или протест, последует наказание. Если, что-то подобное придёт в голову, лучше десять раз подумай.

— И что подразумевается под наказанием? — ухмыляюсь нагло.

— Нефизическое, если тебя это беспокоит.

— Ещё бы физическое, — укоризненно фыркаю ему в ответ.

— Имей в виду, будет обеспечен домашний арест и никаких устройств для связи. И это не шутка. Я дал слово Гаязу, что с вашей головы ни один волос не упадёт. Но прошу соблюдать правила моего дома. Если будут проблемы, смело подходи ко мне для их решения. Я не кусаюсь, — каждое слово произносит со всей строгостью.

Всё кипит и раздрает от негодования. Он отчитал меня как маленькую девочку, которая не слушается. Хочу высказать всё, что о нём думаю. Тем более, не нужен был этот брак, а в особенности — Тамир. Но сдерживаюсь, ведь в машине

мы не одни. Здесь присутствует водитель, который везёт нас туда, где ожидают не самые приятные времена.

Насколько знаю, в доме Тамира живёт и его мать. После церемонии никах с ней я перекинулась пару слов. Первое впечатление от новоиспечённой свекрови — уверенная, интеллигентная, с железным характером и сдержанная на эмоции женщина средних лет. Не знаю, как у нас с ней сложатся в будущем отношения, но осталась под гнетущим впечатлением.

Мы так и не успели поговорить с отцом насчёт нас с Данией. Мне осталось проглотить и прикусить язык, чтобы в присутствии Муллы не устроить скандал.

И только одно успокаивает: никах — это не регистрация в ЗАГСе. И без юридической волокиты могу спокойно развестись. Но удручает самый важный и ужасный вопрос, который не даёт покоя по сию минуту.

Брачная ночь.

Лечь в постель с тем, которого терпеть не могу всеми фибрами души — самое отвратительное, что может со мной произойти. Вот этого точно не перенесу. И надеюсь, Тамир не станет брать меня против моей воли. В противном случае... я даже не знаю... наверно, умру прямо на месте — на брачном ложе.

От автора: Завтра продолжим.

Визуал Тамира

Глава 11

Алсу

Спустя сорок минут мы подъезжаем к огромному зданию, огороженному высоким забором из светлого кирпича. Машина въезжает в открытые высокие кованые ворота, двигаясь к парадной.

Фасад дома выкрашен в белый цвет, а кровля — из коричневой черепицы. Это здание поражает своей красотой и размерами. А кирпичный забор окружает его, словно оберегая от внешнего мира. Не только защищает территорию от посторонних глаз, но и подчёркивает изящество, красоту здания.

Я не думала, что Тамир живёт настолько далеко от города, да ещё в таком роскошном жилище. Здесь очень красиво и зелено. Красивый, ухоженный сад перед домом. В центре сада наблюдаю небольшой фонтанчик и скамейки.

— Мы приехали, — объявляет Тамир и выходит из машины.

После нашего разговора всю дорогу ехали молча. Я уже не смела с ним вести беседу, да и не было желания. За всё время ехала в напряжении, уставившись в окно, чтобы только нечаянно не взглянуть в сторону новоиспечённого мужа. Да и сам Тамир не горел желанием общаться.

Пока я копошусь с дверной ручкой, дверь открывается и мне подаёт руку сам Тамир. Смотрю на его широкую ладонь. Хочу проигнорировать, но он внаглую хватает меня за руку и помогает выйти. Пульс долбит неимоверно. Близкое контактирование с навязанным мужем приводит в растерянность и раздражение. Тамир держит крепко и даже не собирается выпускать. Тянет за собой, не обращая внимания на моё сопротивление. Несколько раз стараюсь выдернуть ладонь, но тщетно.

— Я и сама могу идти, — протестую, делая попытку высвободиться.

Так и не выпускает, а наоборот, сжимает руку сильнее. И как маленькая девочка плетусь за ним по пятам.

Навязанный муж ведёт к главной широкой лестнице. Поднимаемся по ней и вижу впереди настежь открытую входную дверь, а на пороге стоят его мать и ещё одна женщина, которую вижу впервые.

— А вот и молодожёны! — восклицает незнакомая тётя, её тёмные волосы стянуты в строгий, тугой пучок. Она широко улыбается, приложив ладони к груди. Тут же спохватывается и, из-за спины достаёт небольшую белоснежную подушку и кладёт на порог.

Мать Тамира сдержанно улыбается и подзывает меня:

— Алсу, килен (перевод с татарского — невестка), наступай на подушку, — указывая на порог.

Смотрю растерянно на свекровь, потом на Тамира, не по-

нимая: зачем нужно вставать грязной обувью на чистую перину. Видя моё замешательство, он мягко подталкивает вперёд.

— Не бойся, наступай, — просит свекровь.

Я выполняю её просьбу, наступая на перину. Передо мной всплывает ложка с янтарной субстанцией, затем осознаю — это мёд.

— Бал кебек татлы бул, май кебек елгыр бул! (перевод с тат. «Будь как мёд сладкой, как масло податливой!») — с этими словами она суёт мне в рот ложку мёда, а затем следует ложка сливочного масла.

От такой неожиданности часто моргаю, смотря на свекровь. Тяжело проглатываю всё, что мне дали. Во рту приятный вкус мёда и масла, еле сдерживаюсь, чтобы не выплюнуть. Если мёд ещё можно выдержать, но масло...

— Это такой обычай, когда невестка впервые вступает порог родительского дома мужа, — торопится объяснить мне вторая женщина.

Блин. Ещё этого не хватало — жить с его матерью. Да и плохо осведомлена в татарских традициях. Об этом всегда интересовалась Дания, но не я.

Перевожу вопросительный взгляд на мужа, ища в нём подтверждения. Потому что думала, это только его дом. Но Тамир молчит и не пытается ответить. Остаётся делать догадки самóй. Да и ладно, придёт время, я отсюда свалю при первой же возможности, остаётся потерпеть весь этот бред си-

вой кобылы.

После ритуала мы заходим в дом и пребываю в приятном шоке.

Вторую женщину зовут Марьям. По просьбе свекрови Марьям-апа знакомит меня с обстановкой дома, показывая, где и что находится. Внутри здания располагаются просторные комнаты, каждая из которых имеет свой неповторимый стиль. Здесь есть гостиная с камином, столовая с большим столом на всю семью, библиотека с множеством книг и уютный кабинет для работы. Также в доме есть несколько спален, каждая из которых оборудована всем необходимым для комфортного проживания.

— Твою свекровь зовут Зульфийей. Но к ней тебе лучше обращаться “эни” (перевод с тат. «мама»), — заговорщицки понизив голос, шепчет Марьям-апа. После знакомства с домом мы остановились в холле возле лестницы, которая ведёт на второй этаж.

Я натягиваю уголки рта в искусственную улыбку и киваю, часто, показывая ей: я поняла. А сама про себя думаю: *«Ага, щас, бегу и падаю! Волосы назад!»*. Так и хочется закатить глаза, но сдерживаюсь, натужно улыбаясь.

Наверно, Марьям заметила, что я никак не обращаюсь к свекрови, и решила мне подсказать. В принципе, и на самом деле не знала имени. Мне было неинтересно.

— Марьям, покажи Алсу комнату, — неожиданно раздаётся низкий голос. В холле появляется Тамир, спускаясь по

лестнице. Обращаю внимание: на нём уже другой костюм и влажные волосы — похоже, после душа. Медленно скользит по моей фигуре оценочным взглядом. И мне совсем не нравится вспыхнувший блеск в глазах мужа. Мгновенно становится неуютно, что даже неосознанно обнимаю себя руками. — Алсу, переоденешься и спускайся на ужин, — произносит со спокойным видом и удаляется, исчезая из виду.

В голове набатом бьёт слово «комнату». Пульс учащается. По телу проходит мандраж, отчего начинают дрожать руки. Сглатываю и впадаю в оцепенение, боясь сдвинуться с места.

Интересно, это моя личная комната? Или...

Даже думать об этом опасаясь, не то что говорить. Надо что-то сочинить, если вдруг этот извращенец надумает исполнить супружеский долг.

— Идём, килен, покажу комнату, — Марьям-апа трогается с места и ступает к лестнице.

Поднимаю глаза на второй этаж, боясь туда отправляться.

Всё тело будто обдаёт током, когда встречаюсь со взглядом сестры. Дания без тени улыбки смотрит на меня, и я прекрасно вижу заплаканные глаза сестры. Сердце сжимается от раскрывшейся картины. Хочется обнять Данию в такой трудный момент и утешить. Но недобрый вид говорит о многом — лучше не приближаться.

Дания резко отворачивается и сбегает вглубь второго этажа. Следует хлопок двери. И кажется, будто бахнуло в груди. Отчаянная ситуация бьёт по нервным окончаниям, вызывая

растерянность и беспокойство. И почему сейчас чувствую за собой вину, когда совершенно невиновна? Словно это моё желание находиться в этом доме. Ещё и в качестве жены Тамира.

Традиции татар в день никаха.

После празднования никаха в доме невесты, молодожены отправлялись к мужу. Приезд жены в дом мужа назывался «килен алып кайтыу» (привезти невесту). Это был самый долгожданный момент для родственников мужа, поскольку многие из них ещё не видели килен. Главную деталь приданого — сундук — сопровождала жиңгэй (жена брата жениха). Молодых встречали родственники и родители мужа. Сойдя с повозки, новобрачные сначала вставляли на подушку, причем первой ступала жена.

Подушка считалась символом достатка в доме, благополучия, подобно свадебной традиции. Как считают: «...подушка — символ общей постели, благополучия и переход в новую ступень отношений». Молодая накрывала подушку платком, который предназначался для свекрови. Мать жениха подносила ложку мёда и ложку масла

От автора: следующая глава завтра. Всем спасибо за комментарии и звездочки на книгу. Очень приятно и придает вдохновения. Пока график не буду строить, но буду стараться выпускать главы чаще. Примерно через день) Всем

хорошего вечера!

Глава 12

Алсу

— Располагайся и чувствуй себя как дома, — с этими словами, Марьям-апа удаляется из спальни, куда привела меня.

Как только закрывается дверь, я ещё раз оглядываю комнату. Она большая и просторная, в светлых тонах. Что именно понравилось — здесь есть выход на малогабаритный балкончик и там можно в тёплую погоду устроиться на кушетке с книжкой или ноутбуком.

Перевожу взгляд на огромную двуспальную кровать. Она заправлена пледом кремового цвета. У изголовья расположены несколько белоснежных прямоугольных подушек. Также стоит туалетный столик из светлого дерева и с небольшим зеркалом.

Здесь очень уютно и комфортно. И я не вижу посторонних мужских вещей. Очень надеюсь, эту комнату выделили для меня.

Замечаю у белоснежного шкафа два чемодана. Это мои вещи, которые уже привёз водитель отца.

Снимаю белые мокасины, что дала у входа Марьям-апа, и ступаю босыми ногами по мягкому светлому ковру. Такой приятный на ощупь, что это единственный момент, который принёс положительные эмоции за целый день.

Достаю из своей маленькой сумочки телефон. Я его отключила ещё утром. И когда включаю, сыпется наперебой СМС-сообщения от Марины и... Романа.

В груди трепыхается сердце, когда замечаю его имя.

Что обидно, сегодня почти не вспоминала о нём, полностью уйдя в своё горе. Похолодевшими пальцами открываю сообщения и хочется разреветься от содержания:

«Привет»

«Что с тобой происходит в последнее время?»

«Почему меня избегаешь?»

«Я скучаю»

«Мне тебя очень не хватает»

«Ты где сейчас?»

«Почему не отвечаешь?»

«Сразу, как прочитаешь, ответь. Я буду ждать»

Зажимаю рот ладонью, чтобы громко не всхлипнуть. В груди горит. Всю скручивает от безысходности. Вот что ему ответить? О, Аллах, как всё сложно...

Телефон оживает в моей руке входящим звонком, отчего чуть не роняю. На дисплее горит имя «Роман». Дрожу от волнения, не зная, как правильно поступить.

Сверлю значок зеленой трубки. Мой палец зависает над экраном и никак не решу создавшуюся дилемму.

— Алло, — всё-таки отзываюсь на звонок дрогнувшим голосом.

— Алсу! Алсу... Наконец-то! С тобой всё хорошо? Ты пла-

чешь? — Рома беспокойно восклицает в динамике, забрасывая меня вопросами.

От услышанного встревоженного голоса в трубке через нос шумно вдыхаю воздух, умиряя свою истерику.

— Привет, Рома. У меня всё хорошо. Это правда. Просто... дела были, и я не могла ответить, — почти вру, выдавливая из себя слова.

Закусываю нижнюю губу, чтобы не завывать обречённо в голос, который пробивается из груди и застревает в горле.

— Я очень рад за тебя. Ты так больше не пропадай, пожалуйста. А то я весь извёлся уже. Давай встретимся в нашем месте, а? Я очень соскучился. И хочу тебя увидеть, — этими признаниями добивает сверху, и моя броня не выдерживает. С силой сжимаю рот ладонью, чтобы только не услышал истеричный плач. — Алсу? Ты ещё на связи?

Ещё пару секунд молчу, собирая себя по кусочкам.

— Да... Здесь. Ром, извини, я пока не могу говорить. Давай чуть позже созвонимся, ладно? — сильно зажмуриваю глаза, потому что мне больно произносить эти слова человеку, к которому чувствую самые тёплые и чистые чувства. Он для меня очень дорог, и так с ним поступать — невероятно мучительно.

— Ладно, — отвечает с ноткой обиды. И я готова раствориться в воздухе. Просто медленно умираю от собственного подлого поступка.

Почему мне сложно сказать ему всю правду? Почему та-

кая трусиха? Даю парню ложные надежды вместо того, чтобы отпустить с чистой совестью.

— Прости, Ром. Я потом тебе напишу. Хорошо? Я.... — хочу сказать, что сильно скучаю, но вовремя останавливаю себя.

Это будет просто нечестно по отношению к нему. Мы теперь не имеем права быть вместе, и тем более говорить такие обнадеживающие слова.

— Напиши мне, как только сможешь. В понедельник увидимся в институте. И я с нетерпением буду ждать этого дня, — не дожидаясь окончания моей речи, берёт инициативу на себя.

Чёрт, чёрт. Что теперь делать?

— Хорошо. Увидимся, — вымученно выговариваю. И быстро нажимаю кнопку «отбой», чтобы побыстрее прекратить терзания.

Уставившись пустым взглядом в окно комнаты, стою несколько минут не двигаясь. Слезы не прекращают течь, капая с подбородка на белоснежное платье.

В уме взрывается мысль: я так больше не могу!

С психом начинаю сдирать с головы тюрбан, не обращая внимания, что закреплён невидимками, и они дерут мне волосы. Когда справляюсь с задачей, снимаю с себя платье. Мне кажется, оно уже душит, и я задыхаюсь.

Оставшись в одном нижнем белье, беру в охапку сложенные на полу вещи, что сбросила с себя. И отправляюсь в ван-

ную комнату. Нахожу там мусорное ведро и безжалостно выкидываю, при этом притоптывая босой ногой.

Удовлетворённая своей работой, подхожу к зеркалу и вижу совсем не себя, а с потухшими и заплаканными глазами девушку. Волосы всклокочены, от слёз растеклась тушь. Включаю кран и умываюсь холодной водой, стирая с себя весь макияж, который делали мне почти час.

Неожиданно взгляд падает на мою правую руку. Моё сердце замирает. На безымянном пальце красуется кольцо, которое подарил мне Тамир в качестве «махр» *.

Кажется, кольцо с бриллиантом. С раздражением снимаю аксессуар и хочу отправить вслед за платьем — в мусорное ведро. Но останавливаю себя на полпути.

Оно ведь ни в чём не виновато. Тем более, стоит бешеных денег, лучше вернуть владельцу. Прячу его в шкафчик за зеркалом и даю себе слово: обязательно отдам Тамиру.

Оглядываю ванную комнату и вижу стеклянную душевую кабину. Решаюсь принять душ. Снимаю остатки одежды и смело ныряю внутрь.

Через полчаса после водных процедур выхожу в спальню, открываю свой чемодан и ищу во что бы переодеться. Выхватываю из шкафа лёгкое чёрное платье, усыпанное крупным белым горохом, с кокетливыми короткими рукавами. Скольжу в прохладу ткани, не глядя в зеркало — некогда гадать, как оно сядет. Плевать. Я не красоваться сюда приехала.

В дверь стучат и следует голос Марьям:

— Килен, спускайся на ужин. Уже всё готово, — просовывает в открытую щель голову и приглашает на вечернюю трапезу.

— Я не голодна. Можно я здесь останусь? — мой голос звучит жалобно, умоляя женщину.

Она сводит на переносице тёмные брови, размышляя над сказанным.

— Как же так?! Мы с Данией килен очень старались сделать праздничный ужин. Все ждут тебя, — растерянно проговаривает. — Айда, не сопротивляйся. Столько вкусняшек наготовили. М-м-м, пальчики оближешь, — прикладывает пальцы к губам и чмокает, как это любят делать итальянские повара.

Устало вздыхаю, сдаваясь от её напора. Моё б счастье, я здесь дневала и ночевала, только бы не видеть жителей этого дома. Но приходится делать усилие, чтобы выйти из комнаты.

В столовой, куда меня привела Марьям-апа, уже восседают Зульфия-апа, Тамир и Дания. Все хором переводят всё своё внимание на меня, и становится неловко под изучающими взглядами.

— Алсу! — восклицает Дания. — Давай, садись. Уже тебя заждались, — она приветливо и дружелюбно приглашает к столу, при этом широко улыбаясь, что даже приводит меня в ступор.

Где та Дания, которая плакала несколько минут назад, смотря на меня враждебно?

* *Махр*— это материальные ценности, которые необходимо дать девушке или женщине, изъявившей желание стать супругой. Вне зависимости от количества махр нужно выплатить в обязательном порядке. Здесь главное – определить количество, вид и затем отдать женщине. Махр не является условием никаха, но он так же необходим, как и содержание семьи. Поэтому никах, произведенный без определения махра, считается действительным, но женщина при этом получает право на такое количество махра, какое принято выплачивать в той местности, где совершен никах.

Глава 13

Алсу

Резкая смена настроения сестры, вызывает во мне только недоумение — не знаю, как вести себя с ней.

На сестре лёгкое кремовое платье в пол с длинными рукавами, обрамленные ажуром. Тёмные волосы распущены волнами по плечам. Губы подкрашены розовым блеском, а глаза обведены чёрной подводкой, выделяя чёрные стрелки. Насколько помню, она никогда не красилась. Если только очень редко.

Я силюсь улыбнуться ей в ответ и не понимаю, как правильно расценить неожиданную приветливость Дании.

Присаживаюсь за свободный стул. А во главе стола сидит Тамир. Наблюдает за мной молчаливой задумчивостью, сложив локти на стол и сцепив пальцы в замок. Зульфия-апа сидит рядом с Данией, а Марьям-апа по соседству со мной.

«Ну, прям бабское царство. Малинник» — возникает в голове, обводя всех взглядом. И только единственный мужчина восседает во главе, наблюдая с важным видом. Прям мечта каждого мужчины — окружить себя дамами.

Так и хочется на это всё закатить глаза и фыркнуть. Не много ли будет для одного? Сможет ли всё это вынести?

Доходит до смешного.

— Я и Марьям-апа очень старались приготовить вкусные блюда, которые любит Тамир, и ты, — кожей чувствую фальшивые нотки родной сестры. Если бы я не знала Данию, как присутствующие за этим столом, также поверила в искренность сестры. Но прекрасно знаю, она даже переигрывает, и выдаёт её частое моргание. А значит, нервничает.

Сжимаю губы и также притворно улыбаюсь любимой сестричке. И горю желанием — эти самые блюда перевернуть со стола в знак протеста. Но приходится себя сдерживать, нацепить маску дружелюбия.

— Тамир, давай тебя обслужу. Алсу ещё не привыкла и поэтому теряется, — с весёлыми нотками продолжает Дания, пытаясь превратить своё замечание в шутку. Прекрасно соображаю — сестра этим самым старается уколоть, показывая всем присутствующим, что она лучшая невестка.

Да ради Аллаха, пусть так и будет, мне вообще плевать. Но меня задевает поведение Дании. Я совершенно не собираюсь с ней соревноваться. И получается, она готова топить родную сестрёнку ради этого... мужика с синдромом «султана».

Дания вскакивает со стула и тянется за блюдом с бешбармаком. Подходит к Тамиру и аккуратно накладывает в его тарелку. Сам Тамир не обращает на мою сестру никакого внимания... Потому что всё это время, оказывается, он уставился на меня...

Чёрт.

Пока следила за действиями сестры, совсем не заметила пристального взгляда муженька.

Тьфу, блин. От одного слова «муж» — портится настроение и аппетит.

Опускаю голову, пытаюсь спрятать глаза от чрезмерного интереса Тамира. Поэтому начинаю рассматривать блюда, что стоят на столе.

Они и правда наготовили много всего. Здесь пироги с разными начинками, чак-чак, запечённый гусь, салаты по разным рецептам, кыстыбый и любимый всеми татарами национальный «токмач аши» (перевод с тат. «суп-лапша»).

— А я поухаживаю за Алсу, — подхватывается Марьям-апа и начинает суетиться, накладывая мне несколько блюд.

— Марьям-апа, не нужно столько. Я всё равно так много не съем, — останавливаю её, прикрывая ладонями свою тарелку.

— Бэтэк! — ошарашенно уставившись на меня, матюгается женщина.

— Марьям! — Зульфия-апа возмущается на матерное слово служащей, смотря на неё грозно.

Свекровь являет собой воплощение аристократизма, застывшего в чертах женщины зрелого возраста. Сейчас она без платка и с уложенной причёской. Движения, осанка свекрови показывают — женщина из высшего общества и с за-

машками сноба.

— Э нэрсэ?! (А чего?!) — Марьям делает вид, что ничего предосудительного не ляпнула и продолжает свою речь: — Почему это ты не съешь? Такая худенькая совсем. Ветер подует и улетишь. Эйдэ, ашагыз. Оялма (Давай, ешь. Не стесняйся.), — обращаясь ко мне, накладывает в мою тарелку целую гору еды.

Видно, что Марьям-апа здесь, как свояченица и совершенно не боится хозяев. А может, приходится родственницей хозяевам дома, кто знает. Но гувернантка мне нравится, и, надеюсь, с ней в будущем поладим.

Кратко поглядываю за сладкой парочкой. Дания с усердием продолжает обхаживать Тамира, но тот равнодушно благодарит жёнушку и принимается есть. Я также приступаю к ужину. В помещении только и слышно позвякивание столовых приборов, никто больше не решается заговорить. Когда приходит время пить чай, Марьям и Дания начинают суетиться. Чувствую за собой неловкость и тоже стараюсь помочь, хотя бы прибрать ненужную посуду со стола. Но Марьям-апа меня останавливает и просит оставаться на месте.

По обычаям татар невестка должна летать и порхать в доме мужа, оберегая и создавая домашний очаг. Вот этим самым и занимается Дания. Ею очень даже горжусь, если действительно всё делает искренне, и от всей души.

Но, а что насчёт меня: чувствую ли угрызение совести? Не знаю. Наверно. Я, вообще-то, не собираюсь впечатлить

жильцов этого дома своей покорностью, правильностью и кротостью. Но червячок совести грызёт, что кто-то ухаживает и убирает за мной, когда я и сама могу.

Закончив с ужином, возвращаюсь в свою комнату. За столом так и продолжалась неловкая обстановка. И чтобы прекратить это мучение, постаралась быстрее уйти. Потому что не переставала чувствовать на себе взгляд Тамира. Моя левая щека горела, будто он прикасался пальцами. Хотелось отряхнуть назойливое явление, но стойко продолжала делать вид, будто не замечаю.

Такое нездоровое внимание меня перепугало не на шутку, из-за этого я сбежала, сверкая пятками. Теперь, сидя в комнате, прислушиваюсь к каждому шороху снаружи и трясусь от страха, что вот-вот зайдёт мой новоиспечённый муж.

Устав трястись, переодеваюсь в ночную пижаму, выключаю свет и ныряю под одеяло, укрывшись с головой.

С беспокойным сердцем лежу, боясь пошевелиться. Каждый раздавшийся звук за дверью выбивает из моих лёгких воздух и становится тяжело дышать. Как же я боюсь появления «мужа» — от тахикардии до трясучки. В какой-то момент мой организм устаёт испытывать стресс, и я начинаю проваливаться в забытие.

Резкий, громкий звук врывается в сознание, заставив испуганно вздрогнуть и судорожно вздохнуть. Вскикиваю и натыкаюсь на тёмный взгляд Тамира.

Сердце уходит в пятки, я как напуганный зверёк съёжи-

ваюсь в комок, прижимая колени к груди.

— Мне... это... — мой голос дрожит от волнения, — мне нельзя. У меня женские дни, — впиваюсь в лицо стоящего мужчины, высматривая реакцию на сказанное. Приходится импровизировать на ходу, придумывая отговорку.

Совершенно не стыдно произносить такие интимные подробности моего организма, главное — немедленно избавиться от нежеланного посетителя.

Тамир стоит недалеко от кровати, сложив руки в карманы и нескрываемым интересом, разглядывает меня — завернувшуюся в одеяло. Вскидывает одну бровь, а уголок рта тянется вверх в подобии ухмылки. И это злит, я ничего смешного не произнесла. Прекрасно же видит, в каком я сейчас состоянии — готова упасть в обморок от страха. А Тамиру, значит, забавно.

— Мне это никогда не мешало, — хрипловатым низким голосом произносит лениво, чуть растягивая слова. С лица Тамира так и не сходит надменная усмешка.

Он трогается с места и медленно двигается к креслу, что стоит у туалетного столика. Также не спеша садится и продолжает сверлить своими пронзающими чёрными глазами.

— Ты быстро убежала с ужина, — говорит с упрёком. — Так что придётся разговаривать здесь.

От автора: Постараюсь выложить следующую главу

завтра.

Глава 14

Тамир

— Рада видеть тебя, — грациозно встаёт с кровати, покачивая аппетитными округлыми бёдрами. Подходит ко мне вплотную. Шумно втягивает воздух, при этом прикрывает веки, словно получает наслаждение от запаха. — Как я обожаю твой аромат, — кокетливо шепчет.

Раскрывает кошачьи глаза, смотря томно и загадочно. Медленно ведёт своей ладонью по моей груди, спуская к животу, при этом ни на секунду не отрывает свой жадный, горящий взгляд. Красные пухлые губы девушки растягиваются в ехидную улыбку, когда похотливые тонкие пальчики строптивой девицы доходят до уязвимого места.

— Скучал? — закусывает свою нижнюю губу, когда поглаживает мой пах.

— Зачем спрашивать, если ты сама в этом убеждаешься? — усмехаюсь над вопросом девушки.

— Хм, — приподнимает одну бровь. — У тебя две жены имеются. Неужели ни одна не удовлетворяет?! — искренне недоумевает Дамира. Но также в её голосе отчётливо распознаются нотки ревности.

Молчу. Она попала в цель. Но не значит, что готов обсуждать с ней интимную жизнь. Вопрос Дамиры приводит в

раздражение: если и дальше в таком ключе продолжится — придётся менять любовницу.

— Ты сюда явилась задавать вопросы? — резко обрубаю интерес Дамиры.

На мгновение она теряется, поджимая губы. Но уже спустя секунды берет себя в руки и начинает ластиться кошечкой.

— Я здесь только ради тебя, — мурлычет роковая женщина, утыкаясь носом в мою шею.

— Тогда приступай к делу и без лишних вопросов, — предупреждаю.

Нацепляю наручные часы, сидя на широкой кровати в номере гостиницы. А сам полностью ушёл в свои думки, совсем забыв про обнажённую любовницу, которая распласталась на помятых простынях после бурного секса. Дамира красивая и сексуальная девушка. Меня устроило в ней всё, когда впервые встретил — от характера до внешности. Хоть она и крашеная блондинка с зелёными глазами, выглядит не хуже участниц Всемирного конкурса красоты.

Раньше наши с ней встречи происходили чаще. Меня более чем всё устраивало. Единственное требование было к Дамире — никаких посторонних связей с другими мужиками. Я по-своему брезглив, не люблю пользоваться продажными шлюхами, только проверенные и постоянные, то же самое требую от них.

Но после женитьбы на дочерях Гаяза это произошло впервые. Нет, я не собираюсь с ней прекращать, но придётся сократить свидания до минимума, чтобы не навлечь подозрения определённого круга людей.

Гаяз — мой лучший и настоящий друг. Если бы не он, был бы я тем, кем являюсь сейчас? Однозначно нет. И когда друг пригласил в гости с целью объявить просьбу, и в которой я никак не мог отказать, мы пришли к единому решению.

Жалею? Нет. Я ему обязан до конца своей жизни. Ещё и на следующую хватит.

Единственное, отчего меня плющило — это сами сёстры. Был потрясён, когда Гаяз произнёс просьбу. Может, я и ненабожный, в большей степени атеист, но правилами собственной религии никогда не пренебрегал.

«— Ты понимаешь, о чём просишь, Гаяз?! Они же родные, и в принципе это запрещено, — меня накрывает негодованием.

Никогда не заикался о женитьбе. И тем более на двух сразу. Нет, ради друга и на это пойду, но блядь, на родных сёстрах — это слишком даже для меня.

— Я знаю, — понуро отвечает.

— Подожди, ты сейчас серьёзно? Нет, давай так. Женюсь на одной, а вторую отдай за какого-нибудь сына твоих друзей. Это более гуманное.

— Тамир, понимаю, для тебя моя просьба выше всякой меры. Но уверяю, ничего предосудительного со стороны ре-

лигии мы не совершим. Алсу и Дания неродные. Они об этом не знают. Но и тебя прошу сохранить в тайне правду, — Гаяз смотрит с надеждой, ожидая поддержки с моей стороны.

Мат так и лезет со всех щелей... В трёхэтажном размере. Санта-Барбара какая-то. Да и в принципе, она отдыхает в сторонке, по сравнению с тем, что здесь происходит».

От автора: Сегодня небольшая глава. Разговор Тамира и Гаяза продолжим в следующей главе.

Глава 15

Тамир

«— Почему не можешь сказать им правду? — до меня никак не доходит мотив Гаяза — скрывать подробности родства от дочерей.

— Райса перед смертью просила, чтобы девочки никогда не узнали. Пусть и дальше остаются в неведении. Ни одна из них не должна чувствовать себя ущемлённой или как минимум недооценённой.

— Ни одна?! — искренне удивляюсь. — Они что, обе тебе неродные?

Гаяз молчит, впившись в меня глазами и нервно играя желваками.

— Тамир, они обе для меня родные. Я не разделяю, кто родная, а кто нет. Давай перейдём к главному: ты согласен?

Глубоко вздыхаю, не торопясь с ответом. Кручу в руках свой телефон, обдумывая дальнейшие последствия. Знаю одно — будет нелегко.

— Ты же понимаешь, что обретаешь дочерей на общественное осуждение?

— Мне плевать на чужое мнение! — кричит громко, что даже на шее выступают вены и краснеет лицо. — Главное для меня — это жизнь дочерей, — продолжает уже

спокойнее, умирив свои эмоции. — Ты прекрасно осведомлен, Ильгиз не побрезгует исполнить задуманное. Он чётко дал понять: если не сделаю так, как требует, значит, через две недели буду хоронить дочерей. А под твоим покровительством он и пальцем не посмеет тронуть. Важно сыграть никах. Этого будет достаточно для такой мрази. Всё должно быть более чем правдоподобно.

— Насколько знаю Ильгиза, он же с тебя не слезет, — внимательно всматриваюсь в лицо Гаяза. Впервые вижу его в таком состоянии. Обычно всегда был собран и расчётлив. Сейчас же потерял и сломлен.

— Знаю, — глухо отвечает и хватается за бокал с водой, выпивает и со стуком ставит на стол.

— Я усилю для тебя охрану.

— Не надо. Ты лучше усилие для моих дочерей, им нужнее. После никаха подпишем дарственную на твоё имя. А после официальной регистрации на одной из них полностью передам компанию. Этому ублюдку ничего не достанется. Ильгиза знаю как свои пять пальцев — он никогда не успокоится, даже если отдам ему весь бизнес ради дочерей. Для него важно уничтожить меня и всех, кто связан со мной. Эта мразь только этим и живёт. И компания — не больше, чем повод.

— И на ком я должен официально жениться?

— Это ты сам решишь. Кто тебе больше приглянется. Не могу между ними выбирать, — Гаяз нервничает, его вы-

дают трясущиеся пальцы, перебирающие на столе бумаги. — Одно знаю: Дания очень хотела за тебя замуж. В общем, сам решишь.

— Этим ты ставишь меня в тупик, — потираю устало переносицу, загружаясь от количества информации. — Гаяз, я не обещаю быть полноценным мужем для твоих дочерей. Сам должен понимать: брать в жёны сестёр, не вызывает во мне никакого воодушевления. К чёрту с клеймом извращенца в глазах людей, после женитьбы. Но я не могу переступить через это по собственному убеждению.

Гаяз смотрит виноватыми глазами, опускает голову, не выдержав моего осуждения.

— Понимаю тебя, — медленно кивает. — Я только хочу попросить: защити их и не обижай. Относись к ним одинаково. Они самое дорогое, что у меня есть. Только под твоим покровительством я буду спокоен за них. Ильгиз не посмеет посягнуть на жизнь девочек, зная, чьи они жёны. Этот трусливый ублюдок тебя обходит окольными путями. Но и не сто́ит расслабляться, он хитёр и опасен, может найти лазейку, как добраться. Дай обещание, что позаботишься о девочках, обеспечишь им безопасность, — понизив голос, Гаяз сверлит многозначительным взглядом, ожидая точного ответа.

— Даже обидно. Мой лучший друг сомневается во мне». И я дал слово, взвалив на себя бремя ответственности перед Гаязом. Подвести ни в коем случае нельзя. Своё обеща-

ние буду исполнять до тех пор, пока в состоянии дышать. Но это не значит, что на этом моя миссия закончена.

Я дал поручение своим людям следить и приглядывать за каждым членом семьи Давлетшиных. И теперь меня также касается проблема в лице Ильгиза Аллаярова, по кличке «Лис». В том мире, где он обитал и обитает, нет места сентиментальности и сочувствия. Лис будет идти по головам, даже младенцев. Ни на что и ни на кого не посмотрит, продвигаясь к цели.

Встаю с кровати и на ходу натягиваю рубашку. Приближаюсь к бару, откупориваю бутылку с коньяком. Бросаю в бокал пару кубиков льда и наливаю одну треть напитка. Выпиваю почти залпом. Хоть на время удаётся заглушить и отстраниться от ненужных мыслей.

— Тамир, когда мы увидимся в следующий раз? — томный голос Дамиры звучит за моей спиной.

Слышу движение со стороны кровати, а следом тонкие пальцы проскальзывают под расстёгнутую рубашку, оглаживая торс. Опускаю взгляд, рассматривая красный маникюр девушки. Смотрится сексуально на фоне моей смуглой кожи. Коньяк затормаживает функции работы мозга. Как не, кстати, в голову всё-таки начинают лезть совсем не те мысли.

Девушка смелеет и ластиться как кошка, изящно перебираясь вперёд. Её красивое лицо оказывается передо мной. Длинные ресницы опущены, смотря из-под них, а губы приоткрыты и немного припухшие после поцелуев. Зрачки де-

вушки расширены и горят от возбуждения. Разглядываю Дамиру, замечая каждую чёрточку её лица. Но опять в голове возникает картинка совсем других губ и глаз.

В паху моментально простреливает желанием. Хватаю девушку за волосы на затылке и впиваюсь в её губы. Она слушается и совсем не пугается моей животной сущности. Наоборот, отдаётся с таким желанием, что готова раствориться во мне.

Резко отдёргиваю Дамиру, вспоминая о своих делах.

— Когда пожелаю, тогда и увидимся, — немного грубо отвечаю Дамире и отстраняюсь.

Направляюсь в ванную принять душ. После водных процедур уже полностью готовый собираюсь на выход. Дамира не торопится покидать номер, раскинувшись в сексуальной позе на белых простынях. Мысленно ухмыляюсь над строптивой любовницей. Наивная. Всё ещё рассчитывает на повторение.

— Ключи можешь сдать утром на ресепшен, — бросаю через плечо, хватая со столика свой телефон.

Являясь хозяином этого отеля, разрешаю ей оставаться здесь столько, сколько понадобится. Мои служащие Дамиру знают наизусть. В отеле уже как своя и даже может жить на постоянной основе. Но у любовницы есть старенькая мать, с которой нужно быть регулярно, и вряд ли здесь останется.

— Тамир.

Поворачиваюсь на её зов. Она привстала на локтях, от-

крыв мне аппетитные формы своей груди. По ней видно — волнуется. Закусив нижнюю губу, виновато опускает взгляд.

— Говори, — мягко требую девушку продолжать.

— А кто такая Алсу? Просто ты меня называл этим именем.

Моё настроение летит к чертям. Неконтролируемое раздражение поднимается со дна. И хочу вцепиться девушке в горло только за произнесённое имя. Приложив усилие, усмиряю внутренних демонов, чтобы не совершить и не ответить ей лишнего.

— Это не твоё дело, — грубо отвечаю и выхожу из номера. Это совершенно не её дело — знать, кто такая Алсу!

От автора: И кто же такая Алсу?! Даже интересно стало, о ком это они))))

Глава 16

Алсу

— Как только закончатся занятия, прошу ожидать меня внутри здания, — вот уже неделю стандартная фраза моего водителя. И каждый раз выслушиваю, скрипя зубами. Ещё не скоро привыкну к такому положению дел.

— Хорошо, — коротко отвечаю, открывая заднюю дверцу машины.

Моментально на меня обращаются множество пар глаз — стоящих студентов на крыльце института. И что самое ужасное в этом, на территорию могут заезжать только сотрудники учебного заведения. А теперь меня привозит водитель. Естественно, у многих возникает вопрос: как так вышло?

Опускаю голову и напрямую иду к входу. Пока преодолеваю лестницу, меня не покидает ощущение, что разглядывают под лупой, разбирая на молекулы.

Стараюсь делать невозмутимый вид, но горящие щёки выдают подлинное состояние. Как снег на голову обрушилась неожиданная заинтересованность студентов. Уже который день мою персону подвозят к главному входу, и каждый раз испытываю заинтересованные взгляды, так и кричащие: она дочь президента?!

— Чёрт, — шепчу себе под нос, когда спотыкаюсь на лест-

нице.

— Осторожно, моя принцесса, — голос Ромы заставляет меня резко поднять голову.

Смотря в голубые глаза парня, которые светятся от восхищения, постоянно утопаю в чувстве вины и стыда.

Так и не смогла сказать Роме причину: почему мы не можем встречаться. Но он не оставляет попытки добиваться меня, постоянно окружая заботой и вниманием.

Я оглядываюсь по сторонам, на поиски знакомого авто.

«Блин!» — мысленно ругаюсь, потому что за нами зорко наблюдает Руслан – водитель и охранник в одном лице.

Это его работа. Он присматривает за каждым моим шагом. Особенно тогда, когда ко мне подходят посторонние. Так распорядился сам Тамир. Не выпускать меня из виду, охраняя как самое драгоценное. Меня это напрягает и раздражает. Но другого выхода нет. Так объяснил Тамир в ту ночь, когда зашёл в мою спальню.

— Привет, — робко приветствую парня, продолжая идти в институт.

Рома не теряется и следует за мной.

— Привет. Как настроение? — знаю, что спрашивает для приличия.

После того как попросила Романа соблюдать дистанцию в наших отношениях, стал вести сдержанно, не проявляя лишних эмоций. Так и сейчас показывает нейтралитет на людях. Но стоит нам оказаться наедине — не стесняется обнять или

поцеловать в щёку. Хотя я и ругаю его за несдержанность, всё же мне приятно ухаживания парня.

— Мне всё-таки интересно: почему тебя подвозят прямо к парадной? — вроде говорит безобидно, но всё же проскальзывает упрёк.

— В целях безопасности.

— Безопасности?! От кого или чего?! — недоумевает Роман.

— Это чтобы меня не украли потенциальные женихи, — шутя тычу ему в грудь.

Рома непонимающе хмурит брови, с трудом догадываясь: о ком речь.

— От меня, что ли?!

— И от тебя, — смеюсь и продолжаю путь к нужной аудитории.

Никак не ожидаю, что в следующий момент моё запястье жжёт сильный захват, отчего резко приходится затормозить.

— Слушай, так дело не пойдёт, — лицо Ромы обретает серьёзность и ни капли на весёлость.

Он отводит меня в сторону, прижимая к стенке. Внос забивается его одеколон. От парня пахнет чем-то сладким и приторным. Мне особо не нравится этот аромат. Да и совершенно не подходит. Столько раз намекала Роме на это, но так и не догадался поменять.

В носу начинает щекотать, отчего хочется чихнуть. Потираю нос ладонью, чтобы заглушить раздражение слизистой

оболочки.

— Алсу... — выдыхает моё имя, приближая своё лицо. — Я поговорю с твоим отцом. Так дело не пойдёт. Сколько уже можно морозить меня. Я не железный. Ты мне очень нравишься и даже... — он осекается, шумно сглатывая. Его глаза фокусируются на моих губах, будто хочет их съесть. Начинаю нервничать, оглядываясь по сторонам. — Влюбился в тебя как мальчишка. Постоянно о тебе думаю. И твоё поведение в последнее время, заставляет нервничать и переживать, что ты ускользаешь от меня. Я хочу с тобой серьёзных отношений, понимаешь это? — последнее выдаёт с хрипом и почти касаясь моих губ.

На глазах наворачиваются слёзы, и сквозь них расплывчато вижу Романа. Его слова попадают в самое сердце, вызывая ноющую боль. Как же хочется ответить ему взаимностью, но я не имею права.

— Молодой человек, отойдите от неё, — за спиной Ромы раздаётся низкий голос Руслана. Я вздрагиваю и отступаю в сторонку.

Роман поворачивает голову назад – на причину прерывания нашего разговора.

— Алсу, он вас обижает? — Руслан переводит глаза с меня на Рому, смотря на парня с подозрением.

Блин, он же увидел, что я стою в слезах. Быстро протираю глаза и спешу успокоить охранника:

— Нет-нет, всё нормально. Мы мирно беседовали. Просто

мой друг рассказал печальную историю, — надеюсь, убедила и Руслан не сделает поспешных выводов, которые потом доложит своему начальнику.

Чёрт, этого ещё не хватало.

Охранник сверлит Романа тяжёлым и недоверчивым взглядом.

Похоже, мои доводы не убедили...

— Парень, тебе лучше идти своей дорогой. Алсу надо на занятия, — грозно произносит Руслан, кивая в сторону. — Вас провожу, — не дожидаясь моего ответа, подталкивает огромной ладонью в спину и направляет к аудитории, где должна состояться пара по «Основы интегрированных коммуникаций».

Оборачиваюсь, чтобы взглянуть на Рому. Он стоит столбом, явно пребывая в растерянности. Хочет что-то сказать, но не успевает, потому что мы уже отдаляемся на приличное расстояние.

И я в этот момент ненавижу папу, Тамира и даже Руслана, который в принципе ни в чём не виноват, а просто выполняет свою работу.

От автора: Завтра продолжим)

Глава 17

Алсу

Обычно на каждой паре я слушаю преподавателей с интересом и вовлечённостью, записывая их комментарии. Но сегодня мой мозг отказывался принимать и осваивать всю информацию. Все мысли занимали последние слова Романа. Никак нельзя допустить, чтобы он пошёл к отцу с разговором о нас. Это будет катастрофой. А если ещё узнаёт Тамир? Я не имею малейшего представления, как на это отреагируют «муж».

Вылетаю из аудитории после последней пары и направляюсь на поиски Ромы. Надо категорично запретить даже близко приближаться к отцу.

Среди гурьбы студентов сложно разыскать фигуру парня. Но я не сдаюсь, ожидая Романа у главного входа института. Мне обязательно нужно с ним поговорить. По телефону вряд ли удастся достучаться до парня.

Когда замечаю знакомую футболку синего цвета, срываюсь с места и спешу к Роману.

Рома идёт со своим другом, беззаботно разговаривая. Как только замечает меня, на его лице расплывается улыбка.

— Ты меня ждёшь? — подойдя ко мне, Рома забывается и приобнимет меня за талию. Не растерявшись, мягко убираю

его руку.

— Нам нужно поговорить.

С лица парня спадает улыбка, внимательно всматриваясь мне в глаза.

— Хорошо, — кивает.

Отходим подальше от толпы студентов, чтобы была возможность побеседовать без свидетелей.

— О чём желаешь поговорить? — первым начинает Рома.

— О твоих словах. Хочу попросить тебя, чтобы не принимал попытки поговорить с моим отцом. Во-первых, он тебя даже слушать не станет. Во-вторых, ты сделаешь хуже для меня. Отец может перевести меня в другой институт или на худой конец, заставит сидеть дома, раз такое происходит. Пожалуйста, не надо этого совершать. Дай мне слово, — не отрываясь смотрю ему в глаза, мысленно умоляя его отказаться от своей задумке.

— Почему, Алсу? Ты боишься отца?

О, Аллах, как же всё становится сложнее и сложнее. Очень трудно ответить на его вопрос. Понимаю, что должна и больше не обнадёживать парня пустыми надеждами, но как же трудно произнести слова правды. Они как яд отравляют и причиняют жуткие страдания.

— Нам больше нельзя быть вместе. Я... — хочу произнести слова: «я замужем», но огромным комом встают поперёк горла, причиняя боль.

— Что, ты? — в нетерпении переспрашивает.

— Понимаешь, мой отец... он нашёл мне жениха и скоро... скоро выдаст меня замуж, — выпаливаю на одном дыхании, словно смертный приговор.

Какая же я дура. Что я творю?!

— Что?! — у Ромы глаза на лоб лезут, пребывая в оцепенении.

— Рома... Понимаешь... Да, блин, как сложно объяснить, — я начинаю теряться от вида парня. Никак не думала, что он так отреагирует — стоя без движения несколько секунд и глаза немигающим взглядом.

— Ты сейчас прикалываешься? — его голос хрипит, а глаза темнеют.

Рома начинает злиться, отчего становится не по себе. Вдруг в таком состоянии натворит глупостей.

Хочу ответить Роману, но вдруг трель входящего звонка, вырывает меня из потока мыслей. Взгляд невольно скользит к экрану мобильного, отвлекая от всего остального.

— Извини, меня уже ждут, — показываю ему телефон, где высвечивается «Руслан охрана». — Прости, что так получилось, — больше ничего не могу сказать, просто язык не слушается произнести всю правду. Какая я подлая трусиха!

Разворачиваюсь и ухожу прочь, чтобы только не видеть глаза Ромы, полные разочарования. Как же паршиво на душе, что приходится так поступать с чувствами парня. Ведь сама дала ему зелёный свет на отношения и безжалостно отвергаю его.

Хочется развеяться от обиды и горечи. Ощущаю себя последней дрянью, которая недостойна такого замечательного парня. Он был всей душой, а я...

Выхожу на улицу и вдыхаю полные лёгкие воздуха. Легче не становится от разговора с Ромой. Наоборот, всё выворачивает наружу, что впору закричать вовсе горло.

И меня будто обдаёт кипятком, увидев перед собой того, кого совсем не ожидала.

Тамир.

Он стоит у чёрного автомобиля, облокотившись бедром о переднее правое крыло. Сам же разговаривает по телефону. Наши глаза встречаются, и дрожь пронизывает меня до мозга костей.

Какого чёрта он здесь?

— Алсу! — за спиной раздаётся голос Ромы, окликая меня.

Вот теперь точно хочу раствориться. Так, страшно, ещё никогда не было.

Глава 18

Алсу

Сердце подпрыгивает к горлу, когда Рома надвигается ко мне. Каждый проделанный шаг парня, воспроизводится как в замедленной съёмке, приближая к неминуемой катастрофе. Мысленно прошу Аллаха: пусть мне снится сон, а когда проснусь, окажусь в своей комнате родительского дома.

— Знай, от тебя не откажусь. Буду бороться за нас, — Рома негромко говорит, а я из-за этого покрываюсь ледяным потом. Кончики пальцев немеют, да и мой язык прилип к нёбу, чтобы ответить на заявление парня.

Со страхом кошусь в сторону Тамира.

Ох, как он смотрит! И это пугает ещё больше. Мои нервы натянуты до предела. Кажется, у навязанного мужа в любую секунду произойдёт эмоциональный взрыв.

Слова Ромы меня должны радовать и заставлять порхать бабочек в груди. Но ничего подобного не происходит, а разрастается паника. Взгляд Тамира говорит сам за себя — он недоволен. И это не то недовольство, что видела в доме отца, когда я вырядилась в откровенную одежду. Сейчас выглядит зверем, который приготовился напасть на свою жертву.

— Мы потом поговорим. Мне нужно спешить, — тороплюсь оправдаться и уйти.

Не попрощавшись с Ромой, направляюсь к машине, стараясь не смотреть Тамиру в глаза. Крепко сжимаю ручку сумки, нервничая от предстоящей встречи. На расстоянии ощущаю тяжёлую и агрессивную энергетику мужчины. На вид спокоен, но его глаза выдают всё.

— Это кто? — без приветствий задаёт вопрос, кивая в сторону Ромы, как только подошла к машине.

— Мой однокурсник, — проговариваю как можно спокойнее и нейтрально.

Тамир с недоверием смотрит на Рому, который так и стоит у входа, тоже не отводя с нас любопытного взгляда.

Аллах, как же меня трясёт. Дрожащими пальцами хватаюсь за ручку дверцы, открываю, не дожидаясь Тамира, сажусь на заднее сиденье. С колотящимся сердцем наблюдаю в окно за мужчиной, который никак не торопится садиться.

Замечаю, что на месте водителя нет никого, а значит, Тамир приехал сам. И вообще, для меня «шок-контент», что явился собственной персоной. Из-за потрясения сразу не пришло в голову спросить об этом.

Он трогается с места. Обходит автомобиль спереди. Дверь открывается, а следом в салон садится Тамир. Оглядываясь назад, внимательно сканирует тёмными глазами, вызывая ещё больше волнение. Совсем не могу прочесть его настроение.

— Я вроде бы отчётливо разъяснил — никаких посторонних общений, — произносит безэмоционально, что ещё

больше заставляет нервничать.

— Он просто однокурсник и не может нанести мне вред,
— бурчу себе под нос, пытаясь защитить Романа.

— Ещё раз. У тебя сейчас не то положение, чтобы доверять однокласснику или подруге. Враг никогда не дремлет, может нанести удар с неожиданной стороны. Сегодня всё покупается и продаётся. Этот хрен, не исключение, — кивает в сторону института.

Хочу возразить и защитить Романа, но Тамир осаждает мой пыл, смотря на меня предупреждающим взглядом.

— Надеюсь, больше к этому не придём, — произносит равнодушно. Он отворачивается и заводит двигатель.

Машина плавно трогается с места и выезжает с территории института. Хорошо, что у автомобиля тонированы задние окна и меня никто не видит из проходящих мимо студентов. Ненавижу на себе заинтересованные взгляды. Уверена, они потом переминают мне кости, поражаясь моему положению. Не удивлюсь, если ещё припишут роман с ректором — старше меня на тридцать лет.

Мы едем молча, проезжая центральную улицу. Совсем нет желания разговаривать, хоть и распирает узнать: почему сегодня он сам за мной заехал.

После той ночи прошло чуть больше недели. Прекрасно помню все наставления Тамира по поводу моего передвижения и правила поведения в доме. «Муженёк» переживал, что буду бесконечно противостоять и доставлять неудобство. Не

скрою, всё это входило в мои планы. Но после нашего разговора решила сменить тактику.

Не думала, что всё настолько серьёзно, как мне поведал Тамир. Тот человек, о котором разговаривали отец и Нурия-апа, угрожает всей нашей семье. Мужчина по имени Ильгиз будет вести охоту на членов семьи Давлетшиных, но в открытую никогда не подойдёт, создавая свою иллюзию непричастности. И зря Тамир опасается, что Роман может быть тем, который послужит Ильгизу. Рома никогда на это не пойдёт, я точно знаю.

— Ты голодная? — неожиданно нарушает тишину Тамир.

Оторвавшись от пейзажа за окном, перевожу взгляд на тёмный затылок мужчины. Тамир в расслабленной позе управляет автомобилем. На глаза бросаются дорогие наручные часы. Затем скольжу по кисти руки, сжимающую руль. Выступающие вены выделяются хаотичным узором, придавая сильный и мужественный образ обладателя этих рук. Моё внимание перемещается на ноги, облачённые в чёрные классические брюки.

— Ты ответишь или так и будешь рассматривать? — меня будто ударяет током, встрепенувшись от повторного вопроса. Взгляд цепляется в заднее зеркало, оттуда смотрят улыбающиеся тёмные глаза Тамира.

Ох, блин! Позорница! Надо же так попасться.

Вся краска приливает к щекам. Моментально становится жарко в салоне. Хочется открыть окно и высунуть голову,

чтобы охладиться.

— Нет, не голодна, — спешу ответить. Сама же стыжусь смотреть в его глаза. Отворачиваясь к окну, прячу свои.

— Можем заехать и поужинать. Ты не против? Просто у меня есть неотложное дело.

— Хорошо, если надо. Но я могу и в машине подождать, — всё-таки решаюсь взглянуть на него.

Тамир уже не улыбается, а сосредоточен на дороге.

— Моя жена не должна ждать меня в машине, пока я буду сидеть в ресторане, — жёстко отвечает.

Фраза «Моя жена» бьёт по больному. Желание взвыть на весь салон, с каждой секундой нарастает, а на языке вертятся колкие слова в ответ.

Какая же я жена? Он ошибочно надеется получить от меня взаимность. Было счастьем услышать той ночью его слова, что не прикоснётся против моей воли. Но конечная фраза Тамира всё-таки прибила. Нагло ухмыляясь, тогда произнёс:

«— ...пока сама не попросишь».

Я?! Его попрошу?! Ох, как он в этом ошибается, думая добровольно полезть в его постель. Вот пусть Дания покорно исполняет супружеские обязанности, но не я. Очень надеюсь выбраться из порочного круга живой и невредимой. Пусть сестра и Тамир сами варятся в этой каше. А я пас.

Глава 19

Алсу

— Хватит мечтать, выходи, — в сознание врезаются слова «муженька».

Уйдя в свои мысли, не заметила, что мы подъехали к ресторану под названием «Три короля».

«А название какое пафосное», — мысленно фыркаю и закатываю глаза.

Послушно выхожу из машины, не переставая таращиться на вывеску заведения. Надпись состоит из золотых букв, что создаёт образ величественного образа ресторана.

Еле сдерживаю вырывающийся смешок. Меня так и распирает высказать своё мнение, чтобы задеть «Его Величество».

— Ну, давай, выдавливай из себя. Я же вижу, как тебя распирает, — ухмыляясь говорит Тамир, проходя мимо меня.

И после его слов меня пробивает, расхохотавшись негромко.

— Больше подошло бы «Три Султана», — всё-таки не удерживаюсь, кидаю шпильку в спину Тамира.

— Очень смешно, — не поворачиваясь, бросает мне.

Иду за ним и улыбаюсь. Вот сейчас чувствую лёгкость. Не то что двадцатью минутами назад — чуть не поседела, когда

увидела его в институте. Надо же, такой переход в настроении, что даже сама не заметила, как оно у меня подскочило на несколько пунктов.

Заходим в ресторан. К нам приближается миловидная девушка с длинными светлыми волосами. Широко улыбается и на моё удивление здоровается с Тамиром:

— Добрый вечер, Тамир Тимерханович! — девушка чуть ли не выпрыгивает из своего чёрного платья, выслуживаясь перед посетителем. Она переключает внимание на меня. Плавное обводит меня с головы до ног оценивающим взглядом, отчего становится неуютно.

Конечно, я же не одета для подобных мест. На мне всего-то облегающие джинсы и светло-голубого цвета блузка, а на ногах белые кеды. Ну да, не совсем к месту. Но как есть.

— Здравствуй, Лиана. Девушку проводи в вип-зону, — даёт ей указание.

— Всё будет сделано, — кивает и приглашает меня следовать за ней.

— Ты пока иди, я скоро подойду, — замечая мою растерянность, спешит успокоить. — Дело нужно закончить, — показывает наручные часы.

Соглашаюсь с ним и направляюсь в зал следом за девушкой по имени Лиана. Замираю, видя перед собой совсем не то, что воображала.

Интерьер ресторана выполнен в современном стиле — в сочетании лофт и хай-тек. Стены отделаны имитацией ка-

менной кладки, а на одной из них огромная зеркальная поверхность создаёт иллюзию большого пространства. Банкетный зал поделён на две зоны — тёмная и светлая. С одной стороны, дубовые столы шоколадного цвета, вокруг которых располагаются уютные чёрные диваны. С другой, вдоль зеркальной стены расположены круглые столики и мягкие стильные кресла цвета асфальта. На столах стоят изысканные подсвечники, которые добавляют месту лоска. А с потолка свисают люстры необычной геометрической фигуры.

И теперь, на фоне шикарного убранства, чувствую себя ничтожной букашкой. Даже становится стыдно за своё поведение, посмеявшись над названием.

На мою радость, посетителей не так много. Управляющая провожает меня вглубь помещения, подальше от посторонних глаз. Указывает на свободный стол с двумя диванами. Я располагаюсь на одном из них. Мебель очень удобная и комфортная, а обивка на ощупь приятная.

Пока прогуливалась до уборной, чтобы помыть руки, официант в это время сервировал наш столик на две персоны. Затем принёс заказ, по указанию самого Тамира. Молодой человек расставил несколько блюд, состоящих из мяса, запечённых и свежих овощей, лёгкого салата и соуса «Сацебели».

Молодой официант не забывает зажечь свечи, отчего создаётся расслабленная атмосфера вокруг.

От запаха бараньих рёбрышек, прожаренных на углях, в

животе начинает громко урчать, а во рту собирается вязкая слюна. И не сдержавшись, набрасываюсь на принесённые блюда.

— Приятного аппетита! — раздаётся голос, подошедшего Тамира.

— Спасибо, — дожевав небольшой кусок мяса, отвечаю благодарностью.

За его спиной замечаю движение в конце зала. Группа мужчин в тёмных костюмах, направляются к выходу из ресторана. Самый старший из них с нескрываемым любопытством рассматривает меня. От холодного и пронизывающего взгляда вызывает неприязнь к незнакомцу. На вид ему около пятидесяти, плотного телосложения и седой шевелюрой.

Вся пылкость к рёбрышкам немного стихает, при виде неприятного мужчины.

Тамир замечает моё настроение, повернув голову назад. Затем с беспокойством всматривается, выискивая изменения на моём лице. Пристальное внимание муженька провоцирует стеснение. Я как школьница начинаю смущаться.

Да, с чего бы его стесняться? Подумаешь, передо мной стоит мужчина, к которому ничего не испытываю, кроме равнодушия. К такому положению дел привыкла, посещая различные общепиты. Никогда не чувствовала неудобства в обществе посторонних. С чего бы сейчас?

Но поделать ничего не могу, аппетит пропадает, становится неуютно, сама того не понимая, начинаю нервно сжимать

в руках бумажную салфетку.

Тамир устраивается на соседний диван.

— Тебе понравились рёбрышки? — спрашивает он, приподняв одну бровь.

Никак не могу привыкнуть к взгляду чёрных глаз мужчины. Словно проникает в самую душу, пытаясь ею завладеть.

— Да, очень понравились.

— Это фирменное блюдо нашего повара. Он с Кавказа.

— Я это подозревала, — улыбаюсь в ответ.

— Это не единственное фирменное блюдо, есть и другие.

Могу попросить принести.

— Нет-нет, мне достаточно. И это не осилю, — спешу остановить, обводя стол пальцем.

— Ты не стесняйся спрашивать. Мои официанты вмиг исполнят, — откидывается на спинку дивана, расположившись в расслабленной позе.

— Так это твой ресторан?! — искренне удивляюсь.

— Не только мой. Нас трое владельцев, — уточняет.

И здесь до меня доходит.

— Так вот почему называется «Три короля», — не спрашиваю, а утверждаю.

Тамир на мой вердикт только усмехается.

— Так почему короли? — меня уже не остановить, давлю на щепетильную тему, ехидно улыбаясь.

— Если тебя беспокоит: моя ли инициатива дать название ресторану? Спешу расстроить: не моя, — отвечает, ни капли

не смутившись.

— Ты так и не ответил на вопрос, — не унимаюсь, навострив свой слух.

Эта тема веселит и не даёт покоя: узнать подробности происхождения названия ресторана. Просто не укладывается в голове: почему же «Три короля».

— А никакой легенды в этом нет. Только разочаруешься, — продолжает увиливать от ответа.

— Ладно. Не так уж интересно, — включаю равнодушие, безразлично пожимая плечами.

Нет так нет.

На нет и суда нет, и всё такое... Больно мне надо.

Глава 20

Алсу

Город погружается в сумерки. И ехать в машине по вечерним улицам – одно удовольствие. Как ни странно, в этот раз уселась на переднее пассажирское сиденье, совершенно забыв о страхе перед Тамиром.

Домой мы возвращаемся спустя полтора часа. После ужина в ресторане осталась сытая и довольная, в хорошем расположении духа. В обществе Тамира нет ничего ужасного, как представлялось мне ещё днём. Муженёк, оказывается, умеет шутить и улыбаться. Разительно отличается первое впечатление от сегодняшнего.

Мы поднимали темы, исключительно касающиеся моей учёбы и студенческие годы Тамира. Было даже интересно послушать истории про преподавателей и студентов. По рассказам, он был ещё тот проказник и дебошир, не давая скучать всем преподавателям.

Единственное, заметила, не обмолвился о своей семье. Для меня эта часть его жизни, осталась загадкой.

Наш автомобиль заезжает через главные ворота. На посту встречает охрана. Бросаю взгляд на дом. В окнах нижнего этажа горит свет, а значит, жильцы бодрствуют.

Дружно высаживаемся из автомобиля. Пока я забираю

свою сумку с заднего сиденья, Тамир уже достигает до главного входа.

На пороге встречает Марьям-апа, громко приветствуя. И только дохожу до двери, доносится до меня голос сестры:

— Тамир, ты приехал! – восклицает Дания.

Услышав её, настроение на бешеной скорости катится вниз. Я совершенно забыла о ней, полностью уйдя в события сегодняшнего дня и вечера.

Не видя всей картины происходящего, я отлично догадываюсь – сестра полезла к нему с объятиями.

— Здравствуй, Дания, – сдержанно отвечает Тамир.

— А Алсу до сих пор нет дома. Ты представляешь? Звонила ей, а она не берёт трубку. Вот куда моя сестричка подевалась? Уже ведь так поздно.

Мотаю головой на слова родственницы и прохожу внутрь, показываясь Дание.

— Алсу?! — удивляется она, при виде меня. Растерянный взгляд сестры фокусируется сначала на мне, потом на Тамире. Дания меняется в лице, уже нет той блаженной улыбки от встречи с любимым мужем.

Представляю, что нафантазировала в своей голове, после увиденного. Хотя мой поход в ресторан с её любимым мужем, явно не понравится.

Глава 21

Алсу

— Ашыйсызмы? (Будете есть?) — Марьям-апа суетится вокруг нас с Тамиром.

Обстановка моментально становится напряжённой. Я чувствую себя преступницей, которая украла чужое. Меня обуревают стыд перед сестрой. На Дании лица нет, бледная, словно увидела приведение. По сути, ничего катастрофического не произошло — обычный ужин, в котором не было никакого подтекста, и теперь является для меня чем-то порочным и незаконным.

По сравнению со мной Тамир выглядит беспечным, его лицо не выражает ни единой эмоции: ни угрызения совести, ни раскаяния. Одна Марьям-апа пытается сгладить острые углы, закидывая нас вопросами.

— Нет, не голоден. А ты, Алсу? — откликнувшись Марьям, Тамир переключается на меня. Приподняв одну бровь, ожидает ответа. Угольно-чёрные глаза смотрят немигающим и пронзающим взглядом, вызывая во мне вспышку смущения.

— Н-нет, — запинаясь, отвечаю. — Рэхмэт, Мэрьям-апа, мин ач түгел (Спасибо, Марьям-апа, я не голодна), — спохватываюсь и спешу отозваться гувернантке.

Мой взгляд на автомате ищет знакомую фигуру сестры. Дания с печальным видом стоит в сторонке, и уже не так оптимистично, как это было минуту назад. В голову ничего не лезет: как именно спасти ситуацию, чтобы успокоить сестру.

— Тамир, вы приехали? — в фойе появляется свекровь. Она, как и всегда в строгом платье и с уложенными волосами.

— Приехали. Как понял: потеряли нас? — интересуется у матери.

— Да, вы оба не брали трубки. Мы уже стали беспокоиться.

Она с любопытством окидывает взором по очереди — сначала сына, потом меня, остановившись на мне подольше. Её цепкий взгляд рассматривает каждую деталь моей одежды, и из-за этого ещё пуще краснею.

«Неужели думает, что мы...»

— Добрый вечер, Зульфия-апа, — тороплюсь отвлечь свекровь.

Она морщится от произнесённого имени.

Называть мамой язык так и не поворачивается. Зульфия-апа не раз намекала обращаться к ней по-иному. Но не могу пересилить саму себя, чтобы переступить эту грань. Не знаю, почему так принципиально. В моей жизни всегда была одна мама, в двадцать лет тяжело вымолвить такое важное и личностное слово почти что постороннему человеку. Нурия-апа как-то сказала мне: «Если ты с первого дня не

произнесёшь, потом будет сложнее». Тётя права, дальше уже сложнее. Это Дание легко далось — в первый же день назвала свекровь мамой.

— Добрый, Алсу. В следующий раз, пожалуйста, предупреждайте. Всех нерв не хватит столько переживать. Если Тамир работает и привыкли к его задержкам. А вот за тебя очень волновались, — она старается говорить строго, но по интонации слышится беспокойство.

Да блин, почему чувствую стыд, будто и правда сотворила что-то вон выходящее.

— Это моя вина. Я забрал Алсу из института. Думал, быстро получится решить дела, но пришлось задержаться, — оправдывается Тамир, обводя все подробности опоздания.

— Извините, я телефон на бесшумный поставила и не слышала, — тоже оправдываюсь.

С Тамиром на секунду переглядываемся. Но этого хватает, напомнить пройденный вечер. Щёки вспыхивают поневоле. Злюсь на себя за такую эмоциональность. Этим самым я выдаю своё состояние.

Мы как нашкодившие подростки, оправдываемся за содеянный поступок, по сути, не принёсший ничего предосудительного.

— Ладно. Всё образумилось, теперь можно расходиться, — он разворачивается и направляется к лестнице, оставляя нас в неловком молчании.

— Я тоже пойду, нужно заниматься и пораньше лечь, —

долго не думая, следуя примеру Тамира, отправившись на второй этаж.

Уже в своей комнате расслабляюсь и даю несколько минут поваляться на кровати без дела, и только потом принять душ.

На следующий день всё проходит без эксцессов, меня отвозит и забирает водитель, чему несказанно радуюсь. В институте Рома не попадался, что немного ощутила облегчение. Как вчерашний инцидент, больше не хочу испытывать. Ближе к вечеру, когда уже приезжаю домой, сидим на кухне с Марьям-апой и ужинаем. С заинтересованностью рассказываю гувернантке о проведённом дне в институте.

О вчерашнем, стараюсь не думать и не вспоминать. Марьям тоже не спрашивает лишнего, только по учёбе: нравится ли мне, справляюсь ли я. Что характерно, она также не вмешивается в отношения между сестрой и Тамиром, и также делает вид — всё так и должно происходить. Меня это устраивает и рада, что нет давления на непростые отношения. Я не знаю подробностей между Тамиром и Данией, мне это неинтересно и не желаю заглядывать в чужую спальню. С сестрой мы продолжаем избегать разговоров супружеской жизни, притворно улыбаясь друг другу. Сама же я вижу, как нелегко сестричке, но она старается держаться. Очень надеюсь, скоро уйду из этого дома. Из их жизней, оставив порочные отношения позади.

— Как я вам? — нас отвлекает вошедшая на кухню Дания.

Я застываю, наблюдая за ней. Сестра кружится перед нами в золотистом длинном платье, который закрывает все участки её тела. На голове хиджаб под тон наряда. На лице неяркий макияж. Она красивая и вся светится, улыбаясь широко. В глазах сестры блеск, а на щеках розовый румянец. Даже сама непроизвольно улыбаюсь её счастливому виду. После вчерашнего с Данией не пересекались, и увидеть сестру в подобном расположении духа, придаёт оптимизма.

— Ох, кызым, син шундый матур! (Ох, девочка, ты такая красавица!) — восхищается Марьям-апа, приложив ладони ко рту.

— Рэхмэт! (Спасибо!) — пищит сестра, и ещё раз кружится вокруг своей оси.

— Да, Дания, просто вау выглядишь! — искренне восторгаюсь её обликом.

— Тамир пригласил в ресторан — «Три короля». Скоро водитель подъедет за мной. Муж будет меня там ждать.

После слов сестрёнки я давлюсь куском и задыхаюсь от кашля. Марьям-апа приходит на помощь, хлопая меня по спине. Отпиваю бокал с водой, чтобы унять приступ.

— Молодцы. Правильно. Зачем молодым дома сидеть, — поддерживает гувернантка, радуясь за молодожёнов.

От автора: Всем спасибо за внимание, безгранично радуется ваш интерес к книге. У меня для вас новость: я добавила буктрейлер к книге, его можно найти во вкладке "Бук"

трейлер". Там вы увидите небольшое количество спойлера на дальнейшее развитие истории)

Глава 22

Алсу

Весь вечер провожу в своей комнате. Сама не пойму себя, но настроение упало на нулевую отметку. Остро ощущаю одиночество и никчёмность. В голову ни один ответ не приходит: почему же так творится? Вроде должна радоваться — меня никто не трогает и ни к чему принуждает. Всё идёт гладко, без эксцессов. Сажу над конспектами в своей спальне, никого не трогаю. Но в груди продолжает щемить, ощущая тоску и смятение.

На глаза попадается телефон. Беру его в руки, активирую экран. Сообщений нет. Рома больше не пишет. Потому что его заблокировала. Открываю контакты, бросается имя «Папа». Долго не думая, звоню ему. В последний раз с ним разговаривала три дня назад. В тот день голос у отца был не очень бодрый. Создалось впечатление, что он болен или устал. Выразив беспокойство, папа убедил меня: *«Со мной всё хорошо»*.

— Привет, кызым, — после нескольких протяжных гудков в динамике звучит хриплый голос.

— Привет, пап. Как у тебя дела? — сжимаю в руке телефон, услышав отца.

Внутренности скручивает в тугой узел. Я, оказывается,

сильно по нему соскучилась и хочу увидаться. Пусть и злюсь на него за вынужденный брак, он самое родное и дорогое, что осталось у нас.

— Барысы да яхшы, Аллага шөкер (Всё хорошо, слава богу). Лучше Расскажи о себе. Никто не обижает? Как там Дания?

— У меня тоже неплохо. Дела идут своим чередом. Учусь. И нет, никто не обижает. Дания в порядке. Сегодня она... — в горле першит и приходится откашливаться, чтобы продолжить, — уехала на свидание с Тамиром.

Папа молчит, не торопясь с ответом.

— Алсу, всё нормально? Ты чем-то расстроена? — спрашивает с тревогой в голосе.

— Пап... — тяну паузу. Огромный ком застревает в горле, а в глазах и носу щиплет. Поднимаю взгляд к потолку и тяжело дышу, стараясь усмирить поднимающуюся бурю в груди. — Хочу приехать к тебе на днях, очень соскучилась, — прилагаю усилие говорить ровно.

И я совсем не вру. После никаха так и не удалось увидаться с родителем. Я учусь, а он постоянно работает.

Отец устало вздыхает в трубку.

— Кызым, я тоже соскучился. Скоро приеду к вам, тогда и свидимся. Хорошо? — с нежностью выговаривает, но это не доставляет облегчения.

— Нет, я хочу домой, пап, — всхлипываю. Борюсь с наступающей волной истерики.

Он опять молчит. И это так давит, что всё-таки не удерживаюсь и даю волю слезам.

— Я смертельно хочу домой... в свою комнату. Почувствовать родные стены. Очень-очень истосковалась по тебе и Гульсине. Пап, пожалуйста, можно я несколько дней поживу у тебя?

Я как избалованная маленькая девочка, которая отчаянно хочет домой. Просто побыть с отцом. Мне здесь плохо, а там чувствуя себя счастливее и спокойнее. Там прошла вся моя жизнь, воспоминания о матери, которой потеряла в раннем детстве. Я совсем не была готова всего этого лишиться, переехав в дом Тамира. Для меня — всё равно что отрубить руку.

— Я всё понимаю. Сам сильно скучаю без вас. Но пойми, так нужно. Теперь твоя семья — это муж.

— Не надо отговаривать. Я просто приеду на днях, ладно? Навестить хочу, — не вникая его, настаиваю на своём.

— Алсу, дочка, послушай отца внимательно. Тебе и Дание безопасней у Тамира, и приезжать домой не надо. Я скоро к вам приеду, чуть-чуть потерпи. Услышь меня, пожалуйста, — папа говорит с теплом и нежностью. В последний раз так разговаривал, когда мне было одиннадцать лет — упала на улице, разодрав коленки. Он тогда не на шутку испугался, успокаивая ласковыми словами.

Не могу сдерживаться, тихо плачу. Я так хочу к нему, что сжимается сердце. Сейчас осознаю: недостаточно ценила

моменты с отцом. Вся обида на него улетучивается, только лишь быть рядом. Он единственный искренне любит и ценит нас с сестрой.

— Не плачь. Только расстраиваешь. И так сердце болит за вас, ещё ты добавляешь соль на рану. Успокойся, кызым. Всё образуется, — утешает папа.

Ещё немного поговорив с отцом, отключаю звонок. Вроде бы нахлынувшая истерика затихла, но, оставила после себя тяжёлый груз. Смотрю на письменный стол со своими конспектами и нет никакого желания продолжать заниматься. Я встаю из-за стола и направляюсь в ванную, чтобы принять душ перед сном.

Тёплая вода смывает напряжение и усталость в теле, но не помогает смыть тяжёлый камень с груди, что поселился в последнее время.

Уже после всех процедур, укутавшись в тонкое одеяло, лежу в темноте своей комнаты и пялюсь пустым взглядом в окно, откуда пробивается свет уличных фонарей.

Из улицы доносится шуршание шин по асфальту, а значит — к дому подъезжает машина. Следом слышу глухие хлопки дверей автомобиля.

Изо всех держусь, чтобы не встать с кровати и не взглянуть: кто пожаловал в такое время.

Мне и так понятно кто.

Переворачиваюсь на другой бок и укрываюсь с головой одеялом, чтобы ничего и никого не слышать. Около сорока

минут ворочусь из стороны в сторону. В неожиданный момент не выдерживаю и встаю с постели. Сон ни в одном глазу. Теперь мне приспичило пить, а выходить из комнаты — нет ни малейшего желания, боясь нарваться на кого-либо. Жалею, что не имею привычку брать с собой питьевую воду.

Поборов свою трусость, всё-таки не выдерживаю и иду на выход из спальни. Открываю осторожно дверь и выглядываю в коридор, освещаемый тусклым светом. На мою радость никого не видно и не слышно. Ступаю босыми ногами по ковровину и направляюсь к лестнице. Мой взгляд цепляет дверь комнаты Тамира, что пребывает в конце коридора. Убедившись, что никто не выходит, стараюсь бесшумно спуститься на первый этаж.

Внизу также полнейшая тишина. Беспрепятственно отправляюсь на кухню. Наливаю с графина в стакан чистой воды и с жадностью осушаю. Удовлетворив свои потребности, также бесшумно возвращаюсь в спальню.

Поднимаясь по лестнице, внезапно доносится до слуха звук из коридора второго этажа. Создаётся впечатление, что кто-то стучит. Замираю, прислушиваясь к шуму. Осторожно выглядываю из-за поворота, откуда доносится приглушённый стук. То, что вижу впереди, заставляет затаить дыхание и не двигаться.

Дания в шелковом чёрном халатике, достигающего ей до колен, открывает дверь в спальню Тамира. Без колебаний проходит внутрь, осторожно закрывая за собой.

Я резко прислоняюсь спиной к стене и дышу так, будто пробежала стометровку. Пульс зашкаливает, создавая шум в ушах. Сильно зажмуриваю глаза, чтобы удалить из памяти недавнюю сцену.

Срываюсь с места и быстрым шагом направляюсь в свою комнату.

— Меня это не касается. Это их личная жизнь, — как мантру шепчу себе под нос и ныряю под одеяло, укрывшись с головой.

Но почему мне становится мерзко, словно меня обваляли в грязи? Как же это унижительно! Использую все усилия, чтобы освободиться от этого брака!

Начинает мутить, как подумаю, что однажды придётся лечь в одну постель с этим...

Ни за что! Только через мой труп!

Глава 23

Алсу

Отец, как и обещал, приехал через два дня. Моей радости не было предела. Увидев его, всё опять сковырнулось и зануло. Тоска по отцу разрасталась до масштабных размеров. Он похудел и осунулся. Я догадываюсь, с кем определённо связано — с неизвестным Ильгизом, который не даёт покоя отцу. Пыталась расспросить у нашей охраны подробности, но те стойко молчат, отвечая неоднозначно.

Папа пробыл в доме Шариповых почти целый день. Визит отца попал на воскресенье, и я спокойно могла провести время. Разговор с родителем состоял о нас с Данией, и мало о делах самого отца. Но я видела закравшуюся печаль в его глазах. И это больше всего расстраивало. Для разбавления обстановки он обещал пригласить нас всех к себе в гости, устроить небольшой праздник. По словам папы, Гульсина-апа тоже очень соскучилась и жаждала видеть нас с Данией в скором будущем.

Сестра и я старались вести себя мирно и дружелюбно, пока гостил отец. Но в остальное время с ней почти не общаюсь. Дания отдалилась от меня, старается избегать, но при домочадцах ведёт себя, как и положено — разговаривая с невозмутимым видом, словно между нами не стоит непроби-

ваемая стена. Это больше всех угнетает, и исправить у меня не получается. Как ни силюсь сблизиться с сестрой, натыкаюсь на эту самую стену.

Что касается меня и Тамира — после увиденного мной ночной сцены, окольными путями сторонюсь встречи с ним. Теперь не могу смотреть на него по-другому. В голове вспыхивают образы Тамира и Дании в неподобающих сценах.

Их интимная жизнь меня не касается, но почему-то ощущаю за них стыд. Будто являюсь прямым участником. Не знаю, почему так остро реагирую, но создавшаяся ситуация не доставляет положительного эффекта.

«Наш муженёк» уехал в командировку на несколько дней. По словам Марьям: по делам в другой город. И я с облегчением вдохнула полной грудью, чувствуя успокоение на душе. Мне легче переносить пребывание в этом доме, когда не вижу и не чувствую хозяина жилища. Его присутствие напрягает и вызывает когнитивный диссонанс.

— Килен, помоги, пожалуйста, — окликает свекровь, прося помощи — переставить кресло ближе к стене. Без промедления спешу прийти на подмогу, хватаясь за спинку мебели.

Уже целый час делаем перестановку в гостиной. Свекрови ударило в кровь, что нужно поменять местами мебель. Это мы так готовимся к приезду Тамира. А мне, кажется, так она старается занять каждого делом, чтобы не оставалось времени на личные баталии.

Вот уже пять дней, как навязанный муж находится в командировке. Для меня эти дни, как глоток свежего воздуха, не ощущала скованности и напряжённости в доме Тамира. Даже успела привыкнуть к женскому коллективу. Удручало одно: Дания перешла в другую фазу, выставляя меня в глазах домочадцев неспособной и ленивой девицей. Конечно же, не против, чтобы сестра имела все преимущества перед новоиспечёнными родственниками — выглядеть правильной и трудолюбивой, но выставять меня посмешищем или никчёмной не позволю.

Так, мы с ней перешли в незримую для других глаз войну. Дания очень изменилась за последнее время, можно сказать: совсем не узнаю её. Действительно, начала задумываться: разве родные сёстры так поступают? Она стала подставлять меня перед матерью Тамира, делая подлянки. Дания недавно нарочно уронила дорогущую вазу, к которой свекровь относилась с трепетом и берегла как зеницу ока. Всё произошло молниеносно, что изначально не сообразила: как именно случилось? Сестра, не теряясь, крикнула на весь дом: *«Алсу, ну что ты такая, неуклюжая?!»*. По наигранности сестрички догадалась, это её рук дело. И было так обидно — родной человек способен поступить так со мной.

Конечно же, сплошные детские шалости, но беспокоит не это, а отношение Дании. После той ночи: у спальни Тамира, сестра, как будто сорвалась с цепи, каждый день становясь враждебной. Со стороны выглядит как схватка двух самок за

территорию. Ну, мы же не чужие друг другу, чтобы так поступать. И так стараюсь отгородиться от Тамира, давая понять всем, что он неинтересен мне как мужчина. И тем более не собираюсь вступать с ним в близкие отношения. Пусть захаживает и никуда не отпускает, мне на это плевать.

Помогаю свекрови сдвинуть кресло. Она женщина в возрасте и стараюсь оградить от нелёгкой ноши, взвалив тяжесть на себя.

— Не поднимай ты так, просто двигай по полу. Ерунда, если останутся следы на паркете. Пусть лучше такой ущерб нанесёт, чем ты надорвёшься. Молодая совсем. Тебе ещё рожать, — причитает Зульфия-апа, толкая кресло вперёд.

Справившись с задачей, удовлетворённо наблюдаем за проделанной работой.

Зульфия — женщина, спокойная, с консервативными взглядами. У нас с ней образовались нейтральные отношения. Как и от Тамира, стараюсь избегать свекровь, не привыкая к человеку и не подпуская близко. Зульфия-апа это чувствует, также не прилагает усилий к сближению, а может она сама по себе такая. Но с Данией они ладят теснее. Здесь больше старается сестра, чем сама свекровь.

По своему характеру я человек уравновешенный, и никогда не позволяю себе лезть к другим в душу, лишь бы только понравиться. Эта совершенно не моя черта. Если человек не хочет со мной поддерживать знакомство, то ни за что не стану всучивать своё общество, как говорят: «лезть без мыла

в жопу». Конечно, если это не связано с профессиональной деятельностью.

— Тамир приехал! — выкрикивает Дания, заглядывая в гостиную. Её вопль меня пугает не на шутку, что даже подпрыгиваю на месте.

Она вся светится, тут же начинает поправлять на себе одежду и волосы. Обычно в доме Дания не надевает хиджаб, но, выходя во двор, обязательно покрывает голову, не позволяя чужим мужчинам взглянуть на неё без платка.

Переглядываемся со свекровью. Она сдержанно улыбается, а я остаюсь в недоумении. К приезду Тамира собиралась скрыться в своей комнате под предлогом, что нужно заниматься, но не успела...

Через несколько минут на пороге появляется Тамир. В строгом чёрном костюме он выглядит элегантно и в то же время солидно. Рассматривая внешность, подмечаю черты фигуры мужчины. Грех не сказать правду об этом человеке. Очень хорош, изыщен и подтянут. Не зря Дания на нём повёрнута.

— Тамир, как рада, что ты приехал! — с возгласом бросается к нему в объятия сестрица. Он сдержанно обнимает Данию, а та в ответ ластится как кошка, целуя в щеку.

Смотреть на лобызания парочки нет ни малейшего желания. Это выглядит противно, доставляя дискомфорт моим глазам. Отворачиваюсь, силясь не лицезреть за приторно-сладкими обжиманиями.

— Очень соскучилась по тебе, — с нежностью произносит сестра.

Чтобы отвлечь себя, стискиваю пальцы в кулак, да так, что ногти впиваются в плоть, доставляя острую боль. Это всё не для моих ушей и тем более глаз. Я испытываю раздражение и отвращение. Прикусываю нижнюю губу, чтобы только не выдать колкость в их адрес.

— А вторая жена соскучилась по мне?

Я поднимаю голову на прозвучавший вопрос, встречаясь с пристальным взглядом карих глаз. Тамир смотрит с ехидной улыбкой, не скрывая заинтересованности в моей личности.

Дания, услышав вопрос мужа, переводит глаза на меня. И также с любопытством дожидается ответ.

Скучала ли я?

Хм, чудаковатый вопрос.

Да я здесь расслабилась без Его Величества, впервые испытал успокоение. Но в присутствии свидетелей не могу сказать правду муженьку. Все находящиеся в гостиной выжигают во мне отверстия, будто я должна ответить на жизненно важный вопрос.

Глава 24

Алсу

— Скучать не пришлось, мы здесь делами занимались, — киваю на переставленную мебель. Не растерявшись наглого и вызывающего вопроса, отвечаю с гордо поднятой головой.

Тамир переводит взгляд, рассматривая обстановку гостиной, затем ухмыляется:

— Понятно. Отлично, если есть чем заняться, — производит невозмутимо. Тамир складывает руки в карман и переводит внимание на Данию, глядя на неё сверху вниз. По сравнению с ростом Тамира сестра ниже намного. Ей даже приходится запрокидывать свою голову, смотря влюблёнными и преданными глазами на мужа.

«Уф, Аллам, Дания, имей гордость. Чуть ли в рот ему не лезешь», — мысленно обращаюсь к сестре, надеясь, что мой посыл дойдёт до адресата. Ужасно не терпится закатить глаза на поведение родственницы. Так дело не пойдёт, надо с ней поговорить и успокоить — не нужен мне её Тамир, пусть хоть вылежит его с ног до головы и успокоится.

— Ты наверно голоден с дороги. Я и Марьям приготовили вкуснейший ужин. Старались для тебя. А ещё я сварила твой любимый плов с бараниной.

Дания стрекозой крутится вокруг Тамира, склонная сте-

литься под ноги. Тьфу, какая гадость эта ваша заливная рыба.

Пока они все отвлекаются, незаметно удаляюсь и выхожу из гостиной. Направляюсь в свою комнату, чтобы только не начать материться как сапожник, глядя на эту парочку. У меня уже нервы не выдерживают и кровь из глаз. Сил моих больше нет, чтобы наблюдать картину дешёвой мыльной оперы.

Никогда не замечала такого за сестрой. Её поведение для меня ново, как другая сторона Луны, впервые увидев.

В своей комнате расслабляюсь. Сажусь на кровать и падаю на спину, при этом с облегчением вздыхаю. Долго рассматриваю немигающим взглядом белый потолок, размышляя над развернувшейся сценой.

Тишину комнаты нарушает стук и щелчок дверной ручки. Поднимаю голову и тут же вскакиваю с кровати.

На пороге стоит Тамир.

Его горящий взгляд блуждает по моему телу, что даже ощущаю кожей невидимые прикосновения. Глаза муженька концентрируются на моём лице, детально рассматривая. Под изучающим взором появляется непривычное волнение. Ёжусь на кровати от создавшейся неловкости.

— Что-то случилось? – не выдержав напряжения, задаю вопрос.

Я закипаю от негодования! Как он посмел так бесцере-

монно ворваться в моё личное пространство, словно ураган, сметающий все границы? Я же не позволяю себе подобной наглости, не вторгаюсь в его обитель без приглашения.

— Есть разговор, — не дожидаясь моего приглашения, проходит вглубь помещения и садится в кресло.

Меня настигает дежавю. Такой же момент был в первую ночь появления в этом доме.

В голове рой мыслей — о причине разговора. Приступая с моего поведения — что именно могла неосознанно натворить, заканчивая о супружеском долге.

— Слушаю, — немного нервничаю, поправляя подол платья.

Тамир не спешит с разговором, продолжая выжигать во мне дыру. Никак не могу привыкнуть к нему, особенно к его многозначительным взглядам. При каждом зрительном контакте вызывает во мне непонятные ощущения. Я словно перед ним обнажённая. И он оценивает порочными и бесстыжими глазами.

— Алсу, насколько ты относишься серьёзно к нашему браку?

Его вопрос приводит врасплох. Замираю и не в состоянии произнести хоть одно связное слово. Так и сижу с раскрытым ртом, пялясь немигающим взглядом на виновника моего состояния. В горле становится сухо и жутко хочется пить, отчего начинаю бегать взглядом по комнате в поисках воды.

— Алсу, — требует, заставляя смотреть на него.

— А как должна относиться, если меня принудили? — хрипло проговариваю.

Взираю с вызовом на Тамира и тут же отворачиваюсь, не выдержав давящего и тяжёлого взора незваного посетителя.

— Тебе здесь не нравится? Или плохо относятся? При-
нуждают к тому, чего бы тебе ни хотелось?

Каждый вопрос задаёт с давящим напором, заставляя чувствовать себя ничтожно маленькой и уязвимой.

— Нет, ничего подобного.

— Тогда объясни: почему какой-то сопливый хрен заявляет, что твой парень, и хочет на тебе жениться?

Такое ощущение, что на меня выливают ушат ледяной воды и я моментально взбадриваюсь.

— Что?! — неверующе переспрашиваю.

А перед глазами картина: Рома стоит у порога дома Тамира.

От автора: Постараюсь ночью выпустить еще одну главу.

Глава 25

Алсу

— Что слышала, — невозмутимо отвечает, продолжая выжигать во мне дыру.

— Не понимаю, о чём речь...

— Алсу, не нужно играть в непонятливую. Ты неглупая девушка, схватываешь на лету. Спрашиваю в последний раз и жду вразумительного объяснения. Если же нет, то приму необходимые меры...

— Подожди. Какие ещё меры? — перебиваю, пугаясь его слов. Они звучат как приговор.

Нет, боюсь не за себя, а за Рому — с ним могут сделать ужасное.

— Ответь на вопрос, — игнорирует.

Тамир уже не так расслаблен, как это было несколько секунд назад. Он злится. И я боюсь отвечать, не зная реакции и последствий мужчины.

— Да, Роман был моим парнем, когда я... — замолкаю, выбирая выражение, — ...была свободной. Затем расстались. Но не прекращает надеяться вернуть меня. И пожалуйста, ничего не нужно предпринимать, я с ним сама поговорю.

Тамир молчит. Сверлит тёмными глазами, явно обдумывает.

вая сказанное мной. Лицо каменное, брови сведены, на скулах играют желваки, губы плотно сжаты. И я теперь боюсь за Романа, как бы ему не устроил тёмную.

— Моя жена ни с кем говорить не будет, на это есть муж, — со сталью в голосе произносит каждое слово, что даже становится зябко и по телу бегут мурашки.

— Но...

Резко прерывает меня, проговорив грозно:

— Я всё сказал. Этот прыщ к тебе даже близко не подойдёт.

Встаёт с кресла и направляется к выходу. Как ошпаренная вскакиваю с кровати и бегу за Тамиром.

— Пожалуйста, только ничего ему не делай. Очень тебя прошу, — кладу на его плечо ладонь, чтобы остановить и вразумить.

Под ладонью ощущаю, как напрягаются его мышцы. Он замирает и медленно поворачивает голову, смотря искоса на мою руку.

Совсем не ожидаю, когда Тамир резко оборачивается и встаёт ко мне вплотную. Носом упираюсь в твёрдую мужскую грудь и теряюсь от неожиданности. В нос забивается дорогой терпкий парфюм с нотками древесины. И что интересно: совсем не раздражает. Хочу отстраниться, но одна его рука удерживает, покоясь на моей пояснице.

И пока пребываю в растерянности, Тамир наклоняется и у самого уха задаёт вопрос:

— Жалеешь?

Молчу. Не знаю, что ответить. Его поведение меня обескураживает, и я теряю ориентир.

Громко сглатываю вязкую слюну, образовавшуюся от нахлынувшего волнения. Опасная близость Тамира действует словно электрический разряд, вызывая по телу табун мурашек.

Небритая скула мужчины прикасается к моей, покалывая и царапая нежную кожу. Затем ведёт своим кончиком носа по щеке. Тёмные глаза, затянутые поволокой, оказываются напротив моих. Тамир будто проникает в сознание, заражая своими чарами. Я как заколдованная пялюсь в карие глаза Тамира, не в состоянии отвести взгляд.

Он шумно втягивает носом воздух, не прекращая зрительный контакт.

— Тебе не нужно беспокоиться за своего «парня», — на последнем слове делает ударение, при этом криво усмехаясь. — Я младших не обижаю... — делает паузу, — ...если только не посягают на МОЁ.

Отступает и разворачивается на выход. Когда дверь закрывается за ним, с жадностью глотаю воздух.

Оказывается, всё это время практически не дышала, полностью погрузившись в тёмный омут мужчины.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя. Осмыслив всю степень катастрофы, хаотично брожу по комнате, пытаюсь найти решение на сложившуюся ситуацию.

В поле зрения возникает мобильный, одиноко покоящийся на письменном столе. Моё сердце подгоняет, и я срываюсь к устройству, словно к спасительному маяку. Дрожащими пальцами беру гаджет и спешно ищу в записной книжке контакт Романа.

Набираю. Но тщетно — он недоступен. Неприятный, липкий холодок проходится по спине, пугаясь за судьбу парня.

От автора: Сегодня хочу вам сделать приятное)

Дарю два промокода на два моих романа:

"Развод. Нас больше нет" <https://litnet.com/shrt/u7EZ>

Аннотация:

— Я подаю на развод!

— Даже не надейся, — не смотря в мою сторону, Андрей произносит с издевкой. — Договоренность наших родителей тебе это не позволит.

— Андрей, мне плевать. Я улетаю через неделю и неважно, со мной или без меня, но ты оформишь наш развод.

— Никуда ты не поедешь и развода тебе не дам! Продолжаем жить, как и прежде, — равнодушно произносит.

Получается, он хочет продолжать жить на две семьи? Де-

лить его с другой?

— Что?! Ты предлагаешь мне принять твою полигамию? А детей мы тоже вдвоем будем тебе рожать?

— Детей будет рожать только одна из вас, – смотрит с вызовом, – и это будешь не ты.

ПРОМО - oM941h9W

"Развод. Роковая ошибка" <https://litnet.com/shrt/u7qZ>

Аннотация:

— Как ты мог? — перед глазами стоит образ блондинки, скачущей на моем муже.

— А ты как могла?

— Это была ошибка. Ошибка, Олег! — отчаянно кричу со слезами на глазах.

— Ты права. Наш брак был ошибкой, — хладнокровно отвечает он.

Муж думает, что я ему изменила и выгнал из нашей квартиры. Пытаясь разобраться во всем, я вернулась, но там меня ждал сюрприз. Муж в объятиях блондинки. Раздавленная, без средств к существованию, исчезаю из его жизни навсегда.

гда. Унося с собой под сердцем нашего долгожданного малыша.

ПРОМО - *XUV3h0E9*

Глава 26

Алсу

— Марьям-апа, как думаешь, Тамир согласится пойти со мной на концерт Гузель Уразовой*?

Резко торможу, когда слышу голос сестры из кухни. Осторожно ступаю к двери и слушаю их разговор.

Блин, так хотела в одиночестве попить чай, но, похоже, придётся менять планы.

— Килен, иреннэн сорарга кирэк. Белгәнемчә, ул концертларга йөрергә яратмый (Невестка, тебе надо у мужа спросить. Насколько знаю — он не любитель посещать концерты), — отвечает на татарском языке Марьям-апа.

А я мысленно представляю, как такой серьёзный, вечно хмурый Тамир сидит на развлекательном концерте. Подавляю рвущийся смешок от вспыхнувшей в голове визуализации. Это и правда нужно сначала уточнить у него.

— А что он предпочитает? — не сдаётся сестра.

— Эй, балам (дитя), Тамир только свою работу предпочитает, — вздыхает гувернантка.

— Тогда, может, согласится на море поехать? Хотя бы на пару деньков. У меня подруга работает в турагентстве и быстро организует путёвки на двоих?

Наступает пауза. Похоже, Марьям долго думает над отве-

том, а вместе с ней и я — в ожидании, что же именно скажет Дание.

— Белмим. Бу аның сораы гына (Не знаю. Это только у него спрашивать), — немного раздражённо отнекивается Марьям.

Не став их слушать, ухожу лёгкой поступью в другое крыло дома. Глаза утыкаются в кабинет Тамира. В голове моментально вспыхивает идея: зайти туда.

Нажимаю на ручку и медленно открываю тяжёлую дверь. Естественно, здесь никого — Тамир уехал по своим делам. В его кабинете была два раза и обратила внимание на стеллажи с томами. Сейчас же любопытство распирает, посмотреть содержание небольшой библиотеки. Не скажу, что маляк чтения книжек, но на досуге люблю почитать современных писателей фэнтези.

Кабинет просторный, с высокими потолками. Интерьер состоит из тёмных оттенков, что показывает кто именно хозяин. Здесь всё говорит о мужском стиле. У высокого окна расположены массивный двухтумбовый, лакированный стол вишнёвого цвета, а рядом стоит кресло с высокой спинкой из чёрной кожи. Два стеллажа расположены у сплошной стены, а чуть дальше от них — маленький диванчик с журнальным столиком.

Прохожусь кончиками пальцев по корешкам, читая их наименования. На глаза попадает книга с названием «Мёртвые души». Ещё в школе, когда мы изучали по литературе

Тоголя, так и не поняла смысла данного произведения. Помнится: богатый мужик бегал по помещикам, выкупая у них имена мёртвых крестьян, но по официальной информации они ещё оставались живые. Немного повзрослев, может, сейчас пойму всю суть произведения.

Вынимаю книгу из полки и направляюсь к дивану. Усевшись на него поудобнее, раскрываю толстый переплёт. В нос врзается запах бумаги, и с наслаждением втягиваю аромат старенькой пыльной книжки с пожелтевшими страницами.

Сама не пойму, как увлекаюсь чтением и не замечаю — в помещение вошли.

Тишину кабинета пререзает тихий щелчок, заставив меня резко вскинуть голову. На меня смотрит удивлёнными глазами Тамир. Взгляд мужчины медленно спускается на мои колени, где лежит книга. И с ужасом замечаю, что подол платья задрался до неприличия, демонстрируя оголённые ноги чуть выше середины бедра.

** – Гузель Аскарвна Уразова — артистка татарской эстрады. Заслуженная артистка Республики Татарстан, народная артистка Республики Татарстан, заслуженная артистка Республики Башкортостан.*

Листаем дальше ->

Глава 27

Алсу

— Извини, я сейчас выйду, — тороплюсь оправдаться и встаю с дивана. Быстрыми движениями поправляю подол платья.

БАлин, как так могла забыться и не заметить его приезда? Неловко до ужаса, хоть сквозь землю провалились.

— Сиди-сиди. Продолжай читать. Ты не помешаешь, — останавливает, выставив одну ладонь.

Послушавшись его наставления, растерянно опускаюсь обратно на диван. В руках сжимаю книгу, не отрывая своего взгляда от Тамира. Мужчина невозмутимо подходит к столу и садится в кожаное кресло. Поднимает крышку ноутбука и принимается печатать.

Засмотревшись, вспоминаю: зачем я здесь осталась. Раскрываю книгу и читаю текст на остановившейся странице. Но из-за присутствия Тамира не вникаю в суть книги, мысли заняты совершенно другим... Точнее, мужчиной, что сидит за письменным столом.

Поднимаю глаза на объект моего внимания. Анализирую сосредоточенный профиль мужчины, плавно спускаю взгляд ниже на наручные часы, следом пальцы рук, постукивающие по клавиатуре. Затем снова возвращаюсь к лицу и...

— Интересный? — спрашивает с усмешкой, приподняв

одну бровь.

Чёрт!

Сердце готово выпрыгнуть из груди от эффекта неожиданности и позорного разоблачения. Застав меня врасплох, Тамир упивается моим состоянием. На его лице играет насмешка, явно забавляясь.

Мне не нравится моя реакция на муженька. Всё смешалось в непонятный коктейль эмоций и чувств: стыд, растерянность, раздражение и ликование. У меня, наверное, красное не только лицо, но и пятки, настолько сгораю со стыда.

— Не так уж. Меня стук клавиш отвлёк, — изо всех сил стараюсь выглядеть равнодушной, делая вид, что не поймал на запрещённом деле.

— Странно, не замечал подобного за клавиатурой, — с его лица не спадает насмешка.

Тамир переводит взгляд в свой ноутбук, показывая, что на этом разговор исчерпан. А я продолжаю делать вид, что читаю. А на самом деле мне уже плевать на книгу, просто пялясь в страницу невидящим взглядом.

После нашей беседы по поводу Романа прошла неделя. Я так и не смогла поговорить с парнем, хотя виделись в институте. Его отношение привело меня в шок. Рома сделал вид, что мы не знакомы. Такое поведение сильно ударило по моему эго, будто являюсь пустым местом для парня. Первое, что пришло в голову — он всё знает, определённо Тамир приложил к этому руку. Больше не могу объяснить поведение

бывшего парня. И возможно, ему выдвинули угрозы.

Оскорбившись, я решила: первой ни за что не подойду и тем более завести разговор о наших отношениях. Может и правда я ему стала неприятна после того, как узнал истину.

Определённо ощущаю грусть о прошлом, которое могло стать совсем другим, будь я не замужем и не расставание с Ромой. Всё-таки успела привыкнуть и влюбиться Романа. Тяжело, когда твой парень равнодушно проходит мимо тебя, мазнув мимолётным, холодным взглядом.

Я хотела спросить у Тамира: что именно сказал Роману, отчего тот даже не подходит. Но не стала обострять ситуацию — просто продолжаю жить. Надеюсь, что в скором времени, всё разрешится и я уйду из этого дома, вспоминая про брак как страшный сон.

— Да, — меня отвлекает от мыслей, резкий голос Тамира.

Поднимаю глаза, приложив мобильный к уху, он отвечает на звонок.

— Екатерина, эту задачу я дал непосредственно Динару. Почему ты звонишь мне? Как не доверяешь...

Надо бы уйти и не подслушивать, но отчего-то мне становится интересно, чем он занимается. Так что остаюсь сидеть на месте и грею уши, выясняя его род деятельности.

— Так, всё по порядку. Что значит он не считает это за косяк? Блять, Динар совсем страх потерял? Ладно, я его сейчас наберу.

Тамир, уже не стесняясь в выражениях, пребывает в раз-

дражённости. Он что-то печатает в телефоне, а затем прикладывает к уху.

— Какого чёрта, Динар?! Где твоя профессиональность? Что за клоунада с рекламным баннером? — собеседник ему что-то отвечает. А я, ещё больше наострив уши, прислушиваюсь к беседе. — Это идиотская отговорка, которую когда-либо слышал. Приеду и повешу тебе на задницу чёртов баннер, и попробуй сказать, что это неудачное место.

Тамир сбрасывает звонок и кидает телефон на стол. Устал потирает переносицу, прикрыв глаза.

— Извини за нахальство и вклиниваюсь не в своё дело, но что за проблема с рекламным баннером? — не усмирив любопытства, неожиданно от самой себя задаю вопрос.

Всё, что касается рекламы, меня моментально затягивает. В прошлом году отец разрешил в его компании пройти практику, устроив помощником менеджера по рекламе. И надеюсь, в этом году также смогу пройти практику у отца.

Тамир, не ожидав моего вопроса, ошеломлённо таращит глаза, вглядываясь в моё лицо.

— Тебе это правда интересно или нашла причину начать разговор?

Мне бы оскорбиться на его слова, но игнорирую:

— Мне правда любопытно. Может смогу чем-то помочь, — беззлобно отвечаю.

Тамир выражает изумление, мотая головой. Определённо ждал, что я взбешусь и обижусь на его слова.

— Мой специалист по рекламе не проследил за процессом расположения баннеров. Один разместили на общественном сортире в центре города. Я понимаю, если бы реклама была об унитазах или сантехники... — Тамир замолкает, что-то неразборчивое, бормоча себе под нос. Скорее всего, в ход пошла нецензурная лексика. — В общем, баннер с информацией о сети ресторанов, разукрашивает общественный туалет.

Я взрываюсь смехом, запрокинув голову назад. Представляя картинку из рассказа Тамира, меня не на шутку раздирает от хохота до слёз.

— Вот мне определённо не смешно, — Тамир укоризненно произносит, качая головой.

— Извини, — сквозь слёзы выдавливаю слова сожаления, еле сдерживая приступ истерики. — Просто представила, и меня понесло.

— Так, тебе наглядно могу показать. Подойди, — он подзывает к себе жестом.

Берёт телефон со стола, несколько секунд ищет в устройстве нужную информацию. Я, долго не думая, подсказываю со своего места и подхожу к столу. Несколько секунд поисков, поворачивает дисплей мобильного ко мне, демонстрируя фотографию.

На экране телефона изображено фото общественного туалета, который стоит в каком-то парке. И на нём висит билборд с рекламой ресторана «Три короля».

Меня уже не удержать, сгибаясь пополам от смеха. К этому казусу ещё добавилось моё любимое — «Три короля».

— Я смотрю, тебя это забавляет, — насмешливо констатирует.

— Ещё как! — не скрываю подлинных эмоций, вываливая правда-матка.

Взяв себя в руки, успокаиваю нахлынувшую истерику, перестав смеяться.

— Могу помочь с этим, — киваю на фото. — Мне как раз через две недели нужно проходить практику. В прошлом году проходила в компании отца, и в настоящем собираюсь.

Тамир задумывается над моими словами, долго всматриваясь в глаза.

— Почему бы и нет. Если ты толковая в таких вопросах, можем попробовать.

— А что вы здесь делаете? — нас прерывает голос Дании.

Мы оба резко поворачиваемся на источник звука. Сестра стоит на пороге кабинета, сканируя цепкими глазами. Её взгляд мечется между мной и Тамиром, смотря с подозрением, будто застигла нас за непотребством.

— У тебя что-то срочное, Дания? — муж игнорирует её вопрос, переходя сразу к делу.

Сестра поджимает губы, явно заглушая прорыв эмоций. Я даже на расстоянии ощущаю негативное состояние родственницы. Теперь боюсь сделать лишнее движение, опасаясь неминуемого взрыва со стороны Дании.

— Как ты и просил: я заказала две путёвки в Сочи. Пятизвёздочную гостиницу «всё включено». И от надёжного туроператора, — она натягивает улыбку и подходит к столу.

— Хорошо, я понял, — коротко отвечает Тамир.

Но, я остаюсь в непонятных чувствах, становясь свидетелем отношений сестры и мужа. Внутри оседает горький и неприятный осадок. Появляется огромное желание их всех послать и уехать к отцу.

Глава 28

Алсу

Почему, когда ты уже привыкаешь к тому трешу, что творится вокруг тебя — происходит ещё более дичайшее, чем уже есть?

— Ладно, я пойду. Вам есть что обсуждать, — натягиваю искусственную улыбку и трогаюсь с места по направлению выхода.

Огромное желание уйти не только из этого кабинета, но и из дома. Что-то меня тошнит от семейной идиллии, происходящей в данный момент.

— Алсу, останься. Надо обговорить твою практику, — торможу у самого выхода, когда он обращается ко мне.

Поворачиваюсь и натываюсь, на взгляд сестры. О, Аллах, как она смотрит, что даже становится жутко. Никогда такого за ней не замечала.

На сердце поселяется горечь и грусть. Неужели отношения с сестрой останутся в таком формате? Я же скучаю по временам, когда могли беззаботно разговаривать и делиться своими секретами. А сейчас? Ощущаю только холод и презрение со стороны Дании. Мне важно вернуть нашу прошлую связь. Так не может продолжаться

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.